

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Эдгар Уоллес
Сообразительный мистер Ридер

Гилберт Кит Честертон
Воскрешение отца Брауна

**Гилберт Кийт Честертон
Эдгар Ричард Горацио Уоллес
Сообразительный мистер Ридер.
Воскрешение отца Брауна (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12051366
Сообразительный мистер Ридер. Воскрешение отца Брауна (сборник): Клуб Семейного Досуга;
Харьков; 2011
ISBN 978-966-14-1884-3, 978-966-14-1880-5,*

Аннотация

В седьмой том «Золотой библиотеки детектива» вошли серия новелл Э. Уоллеса «Сообразительный мистер Ридер» и рассказы Г. К. Честертон («Воскрешение отца Брауна», «Небесная стрела», «Проклятие золотого креста», «Крылатый кинжал», «Призрак Гидеона Уайза», «Собака-прорицатель»).

Содержание

Предисловие	5
Эдгар Уоллес	7
Сообразительный мистер Ридер	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сообразительный мистер Ридер. Воскрешение отца Брауна (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2011

* * *

Предисловие

В седьмом томе избранных шедевров детективной литературы нашла свое достойное продолжение тема так называемых *нестандартных сыщиков*.

Произведение Эдгара Уоллеса «Сообразительный мистер Ридер» по сути представляет собой сборник разносюжетных новелл, объединенных стержневым персонажем – следователем прокуратуры Джоном Ридером.

Как и знаменитый отец Браун, он не производит впечатления супермена, этот «хилый, пожилой человек», в пенсне на самом кончике носа, в старомодном сюртуке, бесформенных башмаках, который, конечно же, никогда не расстается с видавшим виды зонтиком.

По стереотипным меркам Ридер нелеп, смешон и беспомощен, особенно в те моменты, когда он вызывает рассильного и приносит ему извинения за причиненное беспокойство. Кажется, у него нет никаких шансов противостоять молодым, сильным, ловким и напрочь лишенным каких-либо комплексов преступникам.

Однако он противостоит, и весьма успешно, при этом логически просчитывая все очередные ходы противника и победоносно упреляя их.

Если отец Браун борется с грехом, не осуждая и не наказывая его носителей, то Ридер борется с самими преступниками, никак не обольщаясь относительно их раскаяния или исправления. Борется, зачастую используя древний принцип воздействия подобным на подобное. Он не останавливается перед тем, чтобы заманить злодея в коварно расставленные сети, спровоцировать его на безрассудные действия или скомпрометировать в глазах сообщников и тем самым вынести ему, по сути, смертный приговор...

Его руки, как и руки отца Брауна, постоянно теребят старый зонт, но при этом зонт Ридера отличается тем, что содержит в себе острый кинжальный клинок, которому найдется нужное применение в случае необходимости, а окружающая жизнь в изобилии предоставляет подобные случаи...

Для Ридера преступники – враги общества, интересы которого он призван защищать, бешеные крысы, и у них не стоит спрашивать метрических свидетельств или рекомендаций с последнего места службы, а создать такие условия, когда преступление станет смертельно опасным деянием прежде всего для самого преступника. И Ридер создает такие условия, отчего, по мнению его начальника-прокурора, этот неказистый человечек опаснее мамбы – ядовитой змеи, укус которой несет гарантированную смерть.

Описывая головокружительные приключения Джона Ридера, Уоллес позволяет себе нарушить один из общепринятых канонов жанра: *в детективе не должно быть места любовным коллизиям*.

Как заметил в свое время американский писатель Сатерленд Скотт, «любви так же нет места в детективе, как мухе в супе». А Конан Дойл устами Шерлока Холмса заявляет со всей категоричностью: «Эмоции враждебны чистому мышлению. Поверьте, самая очаровательная женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за убийство своих троих детей».

Сыщика не должны отвлекать от расследования преступлений любовные похождения, которые могут каким-то образом повлиять на логику событий. Таков непреложный канон. Однако Уоллес все же вводит в повествование Маргарет Белмэн, юную даму сердца мистера Ридера, чтобы подчеркнуть рыцарство, благородство своего героя, неоднократно приходящего на помощь неопытной девушке и вызволяющего ее из весьма опасных ситуаций. Что же касается их любовных отношений, то они носят настолько платонический характер, что суровым блюстителям чистоты жанра в принципе не на чем строить достаточно доказательное обвинение в адрес автора «Сообразительного мистера Ридера».

Гилберт Кит Честертон в своих рассказах также отходит от канонов, но в данном случае речь идет не о пикантных коллизиях, а о социальных проблемах, которые, по идее, никак не должны волновать сыщика-мастера, всецело занятого борьбой со Злом в его вселенском понимании. Однако у Честертонна болезни общества очерчены достаточно выпукло, что выводит повествование далеко за рамки знаковой системы абстрактных символов Добра и Зла.

В его детективных рассказах ясно просматривается позиция Честертонна – публициста, философа, гражданина, который весьма близко к сердцу принимает несовершенство социума и пытается найти решение его многочисленных проблем, таких как монополизация промышленности или прагматизм, граничащий с маниакальным корыстолюбием, когда, по словам отца Брауна, «современная мерзкая мораль внушает, что “делать добро” и “делать деньги” – одно и то же».

В уста отца Брауна автор вкладывает и однозначное осуждение двойной бухгалтерии общественной морали: «Ради Господа всемогущего, пусть уж будет одно для всех беззаконие или одно для всех правосудие».

Да, истинно так, ибо, как сказано в Писании, «неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое – мерзость пред Господом».

Отец Браун философски относится к такому понятию, как «сильные мира сего», в достаточной мере осознавая всю его условность, не говоря уже о крайне низком уровне нравственности людей, проложивших свой путь к вершине общественной пирамиды по чужим плечам и головам. Такие люди *a priori* не могут быть порядочными. Политики, правительственные чиновники, финансовые воротилы – все они, по словам отца Брауна, «нестоящие люди».

И эти резкие слова продиктованы отнюдь не стремлением утвердить евангельский культ бедности и незаметности, а лишь трезвым взглядом на природу вещей, на суетность испепеляющего человеческую душу властолюбия или алчного накопительства.

В начале рассказа «Небесная стрела» Честертон замечает с присущим ему сарказмом: «Счастлив, кстати, сообщить, что наша история начинается с убитого миллионера, а если говорить точнее, с целых трех, что даже можно счесть за *embarras de richesse* (излишняя роскошь, *фр.*)».

Здесь едва ли стоит усматривать черты левого радикализма или чего-то родственного ему. Нет, ни в коем случае. Просто, учитывая достаточно темное происхождение большинства крупных капиталов, Честертон не может не помнить слов Бальзака о том, что за каждым быстро нажитым состоянием непременно стоит преступление. А как известно, всякое преступление – согласно вселенскому закону возмездия – влечет за собой наказание, ну а мера...

Что ж, как утверждал вышеупомянутый Сатерленд Скотт, «детектив без убийства – все равно что омлет без яиц».

Таковы законы жанра.

В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации детективного и исторического романа

Эдгар Уоллес

Сообразительный мистер Ридер

1. Полицейский с душой поэта

Получилось так, что тот день, когда мистер Ридер вошел в кабинет государственного прокурора, стал роковым в судьбе мистера Лэмбтона Грина, заведующего лондонским отделением Шотландско-мидландского банка.

Контора вверенного мистеру Грину банковского отделения располагалась на углу Пелл-стрит и Ферлинг-авеню на «сельской» стороне Илинга¹. Она занимала довольно большое здание, и в отличие от большинства контор пригородных отделений, все это здание было отдано под банковские нужды, поскольку банку этому доверяли свои весьма значительные вклады несколько крупных предприятий. Компания «Лунэр трэкшен» с тремя тысячами работников в штате, корпорация «Ассошиэйтед новелтиз» с ее непостижимой текучестью кадров, компания «Ларафон» – вот лишь три организации из числа клиентов Шотландско-мидландского банка.

По средам после обеда накануне дня выдачи зарплат эти корпорации привозили из своих головных контор большие суммы наличных денег, поступающих на хранение в специальную банковскую бронированную комнату из стали и бетона, которая располагалась прямо под личным кабинетом мистера Грина, хотя вход в нее находился в главной конторе за стальной дверью. Дверь эту было видно с улицы, и для того, чтобы улучшить обзор, висевшая на стене прямо над ней лампа бросала на дверь мощный луч света. Дополнительная безопасность обеспечивалась ночным охранником в лице Артура Моллинга, военного пенсионера.

Банк располагался на участке, находящемся под особым контролем полиции, поэтому каждые сорок минут патрульный констебль проходил мимо здания и, имея на то специальное указание, заглядывал в окно и обменивался определенными знаками с ночным охранником. Не дождавшись появления Моллинга, полицейский не имел права двигаться дальше.

Поздно вечером 17 октября констебль Бернетт, как обычно, остановился у широкого смотрового окна и заглянул внутрь. Первое, на что он обратил внимание, – лампа над дверью в бронированную комнату не горела. Ночного охранника видно не было, поэтому офицер, заподозрив неладное, не стал его дожидаться, как он поступил бы в обычной ситуации, а бросился от окна к двери в банк, которая оказалась приоткрытой, что взволновало его еще больше. Толкнув дверь, он вошел внутрь и позвал Моллинга по имени.

Ответа не последовало.

Воздух внутри помещения пропитывал легкий сладковатый запах, источник которого полицейский не мог определить. Рабочие кабинеты были пусты, поэтому он направился в кабинет управляющего, где горел свет. На полу он увидел лежащего человека, руки которого сковывали наручники, а колени и лодыжки туго стягивали две веревки. Это был ночной охранник.

Теперь стал понятен и источник странного удушливого запаха. Над головой лежащего мужчины на проволоке, прикрепленной крюком к специальной рейке для картин, висела

¹ Пригород Лондона. (Здесь и далее прим. пер.)

старая жестянка, дно которой было пробито таким образом, чтобы из отверстия на толстую ватную подушечку, закрывающую лицо Моллинга, текла струйка какой-то быстро испаряющейся жидкости.

Бернетт, который в свое время был ранен на войне, сразу узнал запах хлороформа, поэтому он выволок бесчувственного охранника во внешнее помещение, снял вату с его лица, а потом, оставив Моллинга лишь на короткое время, необходимое, чтобы позвонить в полицейский участок, стал пытаться привести его в чувство.

Полицейские силы оказались на месте происшествия уже через несколько минут. С ними прибыл и дивизионный врач, который случайно находился в участке, когда поступил тревожный вызов. Все попытки вернуть к жизни несчастного охранника остались безрезультатными.

– Вероятно, он уже был мертв, когда его обнаружили, – постановил полицейский врач. – Что это за царапины у него на правой ладони – загадка.

Он разжал стиснутые в кулак пальцы трупа и показал штук пять-шесть маленьких царапин, судя по всему свежих, поскольку на ладони у него было заметно размытое пятно крови.

Бернетта в срочном порядке отослали разбудить мистера Грина, управляющего, жившего на Ферлинг-авеню, на углу которой и располагалось здание, занимаемое банком. Эта улица представляла собой ряд полуотдельных вилл знакомого любому лондонцу вида. Когда полицейский офицер шел через небольшой сад к дому управляющего, он заметил, что сквозь щели между панелями дверей пробивается свет, и как только он постучал, на пороге появился мистер Лэмбтон Грин. Был он полностью одет и, что не ускользнуло от цепкого взгляда офицера, пребывал в очень взволнованном состоянии. Констебль Бернетт заприметил на стоявшем в прихожей стуле большой саквояж, дорожный плед и зонтик.

Маленький управляющий, с лицом бледным как сама смерть, выслушал рассказ Бернетта о его находке.

– Банк ограблен? Но это невозможно! – чуть ли не закричал он. – Боже мой! Это ужасно!

Мистер Грин был так близок к обмороку, что Бернетту даже пришлось помочь ему выйти на улицу.

– Я... Я собирался на выходные уехать из города, – путаясь в словах, начал рассказывать он, когда они вместе пошли к банку через темную улицу. – Понимаете ли... я вообще-то уйду из банка. Я оставил записку директору с объяснением.

Одним словом, управляющий сразу же угодил в круг подозреваемых. Добравшись до своего кабинета, он выдвинул ящик письменного стола, заглянул внутрь и сник.

– Их нет, – промямлил он. – Я же оставил их здесь... Ключи... Вместе с запиской.

После этих слов он лишился чувств. Очнувшись уже в полицейской камере, несчастный в тот же день предстал перед полицейским судьей в сопровождении двух констеблей и, словно во сне, выслушал обвинение в убийстве Артура Моллинга и присвоении ста тысяч фунтов.

Утром, в первый день после предъявления обвинения Лэмбтону Грину, мистер Джон Г. Ридер без особой охоты, поскольку питал недоверие ко всем правительственным учреждениям, переместился из своего кабинета на Лоуэр-риджент-стрит в мрачноватую комнату на верхнем этаже здания, в котором располагался кабинет государственного прокурора. Согласился он на эту перемену лишь при одном условии: ему должна быть выделена отдельная прямая телефонная линия с его старым кабинетом. Он не требовал этого (мистер Ридер вообще никогда ничего не требовал), он лишь просил нервным и извиняющимся голосом.

Одной из заметных черт характера Джона Г. Ридера была определенная мечтательная беспомощность, которая заставляла людей жалеть его. Даже сам государственный прокурор

пережил несколько волнительных минут сомнения относительно того, разумно ли он поступил, взяв этого слабого с виду мужчину средних лет на место инспектора Холфорда, грубоватого, но добродушного рубахи-парня, толкового, но, как говорится, себе на уме.

У мистера Ридера, которому едва перевалило за пятьдесят, было вытянутое лицо, песочные с проседью волосы и приглаженные бакенбарды, примечательные тем, что они отвлекали внимание от его больших оттопыренных ушей. На носу его, где-то посередине, сидело пенсне в железной оправе, но никто ни разу не видел, чтобы он через него смотрел: при разговоре он глядел поверх него, а когда читал, и вовсе снимал. Высокая фетровая шляпа с плоской тульей странным образом сочеталась и не сочеталась с наглухо застегнутым на узкой груди сюртуком. Он носил ботинки с квадратными носками, его широкий, купленный в магазине готового платья галстук, чем-то похожий на защищающий грудь панцирь, застегивался сзади на шее под чопорным гладстоновским воротничком. Самым изящным во всем внешнем виде мистера Ридера выглядел зонтик, скрученный так туго, что его можно было принять за трость необычной формы. И в солнце, и в дождь сей предмет висел у него на руке, но на людской памяти еще не было случая, чтобы он раскрывался.

Инспектор Холфорд (недавно повышенный до звания суперинтенданта полиции) встретил его в кабинете, чтобы передать дела и более осязаемые величины в виде старой мебели и папок с документами.

– Рад с вами познакомиться, мистер Ридер. Раньше я не имел удовольствия с вами встречаться, но много о вас слышал. Это ведь вы занимались делом Английского банка, верно?

Мистер Ридер буркнул что-то невразумительное насчет того, что имел такую честь, и тяжело вздохнул, словно давая понять, насколько неприятен ему этот крутой поворот судьбы, вырвавший его из безвестности рутинных занятий. Внимательный осмотр, которому мистер Холфорд подверг своего преемника, преисполнил его недобрых предчувствий.

– Как бы вам сказать, – неуверенно начал он, – это работа отличается от того, чем занимаетесь вы. Мне, правда, говорили, что вы один из самых информированных людей в Лондоне, поэтому, если это действительно так, сложностей у вас не возникнет. Хотя кабинет этот человек со стороны – я имею в виду, м-м-м, так сказать, частного сыщика – еще никогда не занимал. Понимаете, у нас в Скотленд-Ярде немного...

– Я понимаю, – пробормотал мистер Ридер и повесил свой аккуратный зонтик на крючок. – Это вполне естественно. На это место метил мистер Болонд. Его жена очень расстроена... Очень. Но у нее нет на то причин. Она – честолюбивая и активная женщина. У нее есть интересы в одном уэстэндском танцклубе, хотя туда, вполне вероятно, в скором времени может нагряться проверка...

Холфорд был изумлен. Об этом в Скотленд-Ярде еще только начинали перешептываться.

– Откуда, черт возьми, вам это известно?! – воскликнул он.

Мистер Ридер скромно улыбнулся, мол, невелика заслуга...

– Просто слушаю, что люди говорят, – извиняющимся тоном произнес он. – И еще... Я во всем вижу что-то неправильное. Это моя плохая черта... У меня разум преступника!

Холфорд глубоко вздохнул.

– Ну ладно... В общем-то тут ничего сложного. Илингское дело особых трудностей не представляет. Грин – бывший заключенный. Место в банке он получил во время войны и с тех пор доработался до управляющего. Сидел семь лет за хищение.

– За растрату и хищение, – пробормотал мистер Ридер. – Дело в том, что... э-э-э... Это я выступал главным свидетелем против него. В свое время я, как бы это сказать... увлекался банковскими делами. Он попал в неприятную ситуацию с ростовщиками. Глупейшую ситу-

ацию. И он не признает своей ошибки. – Мистер Ридер тяжело вздохнул. – Бедняга! На кону его жизнь, так что можно простить, даже оправдать его увертки.

Инспектор удивленно уставился на новичка.

– Вот уж не назвал бы его беднягой. Он прикарманил сто тысяч фунтов и даже не позаботился о том, чтобы придумать себе какое-нибудь приличное оправдание. Несет всякую ерунду. Копии протоколов здесь, если захотите взглянуть. Кстати сказать, интерес вызывают царапины на ладони Моллинга... На другой руке у него тоже нашли несколько царапин, но они неглубокие, это не похоже на следы борьбы. Ну, а что до той байки, которую рассказывает Грин...

Мистер Дж. Г. Ридер печально кивнул.

– Да, история не слишком изобретательная, – с некоторым сожалением в голосе промолвил он. – Если я правильно помню, рассказал он примерно следующее: его случайно встретил на улице и узнал человек, который отбывал вместе с ним срок в Дартмуре². Вскоре он получил от него письмо с угрозами, тот парень потребовал денег в обмен на молчание о прошлом. Не желая идти на новое преступление, Грин подробно изложил в письме начальству свое положение, спрятал письмо вместе с ключами в выдвижной ящик стола, а на самом столе оставил записку своему кассиру. Он собирался уехать из Лондона и начать новую жизнь там, где его никто не знает.

– Ни в столе, ни на столе никаких писем или ключей не было, – уверенно заявил инспектор. – Единственная правда, которую мы от него услышали, это то, что он сидел.

– Отбывал наказание, – грустно произнес мистер Ридер, который очень не любил жаргонные слова и выражения. – Да, это действительно правда.

Оставшись в своем новом кабинете один, он довольно долго разговаривал по телефону по приватной линии с некой молодой особой, которую все еще можно было назвать молодой, несмотря на то что время не пощадило ее. Остаток утра он посвятил изучению письменных показаний, которые его предшественник положил на стол.

День близился к концу, когда в кабинет вошел государственный прокурор. Бросив взгляд на большую кипу исписанных бумаг, которыми обложился со всех сторон его подчиненный, он спросил с нотками одобрения в голосе:

– Чем вы заняты? Дело Грина? Я рад, что вы им интересуетесь, хотя дело, в общем-то, пустяковое. Я получил письмо от директора его банка, он, похоже, почему-то думает, что Грин говорит правду.

Мистер Ридер посмотрел на начальника с тоской, которая непременно появлялась в его взгляде, когда он чему-то удивлялся.

– Вот отчет Бернетта, полицейского, – сказал он и взял в руки одну из бумаг. – Может быть, вы что-то объясните мне, сэр. Констебль Бернетт сообщает, что... Если позволите, я прочитаю:

«Перед тем как подойти к банку, я увидел человека, который стоял на углу улицы, недалеко от банка. Я точно его видел, потому что мимо проехал почтовый грузовик и осветил его фарами. Тогда я не придавал этому значения и после этого человека не видел. Может быть, он свернул за угол к сто двадцатому дому на Ферлинг-авеню, пока я не смотрел на него: я ведь, как только его увидел, споткнулся о какую-то железяку и осветил фонарем на тротуар. Это была старая подкова. Я, кстати, тем же вечером, но немного раньше, видел, как детишки играли с нею. Когда я снова посмотрел на угол, там уже никого не было, человек тот исчез. Он мог заметить свет от моего фонаря. Больше я там никого не видел, и, насколько помню, свет в доме Грина, когда я проходил мимо, не горел».

Мистер Ридер поднял глаза.

² Известная английская тюрьма, построенная еще в 1809 г.

– И что? – спросил прокурор. – В этом нет ничего особенного. Это мог быть сам Грин, который обошел констебля по другой улице и вернулся домой у него за спиной.

Мистер Ридер почесал подбородок.

– Да-а, – задумчиво протянул он. – Да-а. – Тут он поёрзал на стуле. – Я никого не обижу, если сам поработаю над этим делом... независимо от полиции? – нервно поинтересовался он. – Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь подумал, что какой-то любитель со стороны сует свой нос в официальное расследование и мешает исполнению служебных обязанностей.

– Пожалуйста! – не задумываясь, ответил прокурор. – Можете встретиться и поговорить с офицером, который ведет это дело. Я напишу вам для него записку. Мои офицеры часто проводят независимые расследования, хотя, боюсь, ничего нового вы не обнаружите. Все, что можно было узнать, Скотленд-Ярду уже известно.

– И с задержанным я смогу встретиться? – все еще неуверенно спросил Ридер.

– С Грином? Что за вопрос, разумеется! Я пришлю вам необходимый ордер.

Неспокойное серое небо стремительно темнело, моросил порывистый дождь, когда мистер Ридер, с висящим на руке сложенным зонтиком и поднятым воротником пальто, прошел через мрачные ворота Брикстонской тюрьмы. Там его провели к камере, в которой сидел, подперев голову руками и устремив в стену отсутствующий взгляд, впавший в отчаяние заключенный.

– Это правда, правда! – плаксивым голосом негромко повторял он. – Ведь каждое слово – правда!

Бледный лысоватый мужчина с некоторыми признаками седины на неровных рыжеватых усах. Ридер, имевший поразительную память на лица, узнал его с первого взгляда, хотя сам был узнан не сразу.

– Да, мистер Ридер, теперь я вас вспомнил. Вы – тот самый господин, который поймал меня в прошлый раз. Но я ведь чист как стеклышко! Я же фартинга чужого не взял! Что подумает моя бедная девочка...

– Вы женаты? – сочувственно поинтересовался мистер Ридер.

– Нет, но как раз собирался... В моем возрасте поздно, конечно. Она почти на тридцать лет меня моложе, и лучшей девушки, чем она...

Пока Ридер слушал последовавшую восторженную речь, лицо его все больше прониклось печалью.

– Слава Богу, она не была на суде. Но она знает, что случилось. Мой друг рассказал мне, что она была ошеломлена, когда услышала об этом.

– Бедняжка! – мистер Ридер покачал головой.

– К тому же все это произошло в ее день рождения, – горько добавил заключенный.

– Она знала, что вы собирались уезжать?

– Да, я накануне сказал ей об этом. Я не хочу впутывать ее во все это. Если бы мы были помолвлены официально – другое дело, но она сейчас разводится с мужем и бракоразводный процесс еще не закончен. Поэтому я и не появлялся с ней на людях, и встречались мы не так уж часто. Ну и, понятно, никто не знал о нашей помолвке, хоть мы и живем на одной улице.

– Ферлинг-авеню? – уточнил Ридер, и банковский управляющий печально кивнул.

– Когда ей было семнадцать, она вышла замуж за одного негодяя. Для меня было настоящей мукой держать язык за зубами... Я имею в виду, насчет наших с ней отношений. Всякая мразь подбивала к ней клинья, а я вынужден был, стиснув зубы, молчать. Невозможные люди! Да вот хотя бы этот болван Бернетт, который арестовал меня, тоже увивался за ней. Стихи ей писал! Каково, а? Кто бы мог подумать, что полицейский способен стихи сочинять?

Возмутительная несообразность, похоже, нисколько не смутила сыщика.

– В каждой душе есть место поэзии, мистер Грин, – мягко произнес он. – Полицейский ведь тоже человек.

Хоть Ридер и не придавал особого значения странностям констебля, образ полицейского с душой поэта преследовал его всю дорогу домой на Брокли-роуд и потом занимал мысли остаток вечера, пока он не уснул.

Без четверти восемь утра, когда мир выглядит так, будто населен исключительно молочниками и насвистывающими мальчишками – разносчиками газет, мистер Дж. Г. Ридер ступил на Ферлинг-авеню.

Лишь на секунду он остановился у банка, давно уже переставшего вызывать тревогу и благоговейный страх у здешних обитателей, после чего продолжил путь по широкой улице. По обеим сторонам дороги стояли красивые виллы. Красивые, хоть и походили друг на друга, как родные братья: каждый дом отделял от тротуара маленький садик, иногда имевший вид простой поросшей травой лужайки, кое-где украшенной цветочными клумбами. Дом Грина был восемнадцатым по правой стороне улицы. Жилье свое он делил с экономкой-стряпухой, и, очевидно, садоводство не входило в число его интересов, поскольку двор весь зарос травой, которая росла сама по себе, безо всякого участия человека.

Дойдя до двадцать шестого дома, мистер Ридер остановился и какое-то время с некоторым интересом рассматривал голубые занавески, закрывавшие каждое окно. По-видимому, мисс Магда Грэйн очень любила цветы, потому что на подоконниках стояли ящики с геранью, то же растение было высажено на равных промежутках и вдоль крошечного бордюра под эркером. Прямо посередине зеленого газона красовалась круглая клумба с одиноким розовым кустом без единого цветка, с жухлыми коричневыми листьями.

Подняв глаза на верхнее окно, он увидел, как медленно поползла вверх штора, ему даже показалось, что за белой кружевной занавеской стоит какая-то фигура. Виновато втянув голову в плечи, как человек, которого застали за каким-то неприличным занятием, мистер Ридер торопливо пошел дальше. Странствие его окончилось, лишь когда он дошел до большого зеленого двора садовника, который образовывал угол в конце улицы.

Здесь он постоял какое-то время, погруженный в мысли, взявшись рукой за железную ограду и устремив задумчивый взгляд на вереницу теплиц. В этом положении он оставался так долго, что кто-то из работников садовника, вполне обоснованно посчитав, что незнакомец хочет попасть в сад, подошел к нему усталой походкой человека, живущего от земли, и поинтересовался, ищет ли он кого-то.

– Слишком многих! – вздохнул мистер Ридер. – Слишком многих!

Оставив несколько обиженного таким ответом человека гадать о причинах подобного невежливого ответа, он медленно побрел в обратную сторону. У номера двадцать шесть он снова остановился, отворил небольшую железную калитку и прошел по дорожке к дому. На его стук дверь открыла маленькая девочка, которая и провела его в гостиную.

Комната эта не выглядела элегантно обставленной, поскольку мебель в ней практически отсутствовала. Проход был устлан полосой почти нового линолеума, вся обстановка состояла из нескольких плетеных стульев, стола и квадратного ковра на полу. Мистер Ридер услышал у себя над головой шаги: кто-то мягко прошел по деревянным половицам. Через некоторое время дверь отворилась, и в гостиную вошла девушка. Она была красива, но на лице ее застыло какое-то печальное выражение, и глаза выглядели так, будто она недавно плакала.

– Мисс Магда Грэйн? – спросил он, вставая.

Девушка кивнула.

– Вы из полиции? – поинтересовалась она.

– Не совсем, – осторожно ответил он. – Я... гм... работаю в канцелярии государственного прокурора. Моя деятельность соответствует работе столичной полиции, но отличается от нее.

Она нахмурилась, но потом произнесла:

– А я все удивлялась, почему до сих пор ко мне никто не приходит. Вас мистер Грин послал?

– Мистер Грин рассказал мне о вас, но он не посылал меня.

В этот миг по лицу ее скользнула тень, почти заставившая его вздрогнуть. Лишь на кратчайшую долю секунды это выражение появилось и тут же исчезло, так что глаз менее внимательный мог бы и вовсе не заметить его.

– Я ждала, что ко мне кто-нибудь придет, – сказала она и добавила: – Почему он сделал это?

– Вы думаете, он виновен?

– Так полиция думает. – Она горько вздохнула. – Как бы я хотела никогда не видеть... этого места!

Мистер Ридер не ответил, обводя блуждающим взглядом комнату. На бамбуковом столике стояла старая ваза, кое-как наполненная золотистыми хризантемами удивительно разнообразных форм и оттенков. Среди этой живописной красоты бросалась в глаза единственная астра, которая чем-то напоминала разбогатевшего выскочку, по ошибке угодившего в компанию аристократов.

– Любите цветы? – негромко спросил он.

Девушка бросила на вазу безразличный взгляд.

– Да, люблю, – ответила она. – Это девочка поставила их сюда. – А потом: – Как думаете, его повесят?

Грубая прямота вопроса заставила Ридера поморщиться.

– Обвинение очень серьезное, – сказал он и добавил: – У вас есть фотография мистера Грина?

Она нахмурилась.

– Да. Вам она нужна?

Он молча кивнул.

Как только она вышла из комнаты, он метнулся к бамбуковому столику и вынул цветы. Как он заметил через стеклянные стенки вазы, неказистый букет действительно грубо перевязывал тонкий шнурок. Он осмотрел стебли, и еще одно предварительное наблюдение подтвердилось: ни один из цветов не срезали, все их сорвали со стеблей. За шнурком обнаружился обрывок бумаги – страница из записной книжки: хорошо были видны красные строчки, но то, что на ней написано, разобрать было невозможно.

Услышав шаги, доносившиеся с лестницы, мистер Ридер поставил цветы обратно в вазу, и когда девушка вошла, уже стоял у окна и смотрел на улицу.

– Спасибо, – сказал он, беря фотографию.

Повернув ее, он увидел на обороте нежное послание.

– Сударыня, мистер Грин сказал, что вы замужем.

– Да, замужем, но уже почти разведена, – коротко ответила она.

– А вы давно здесь живете?

– Около трех месяцев. Это он захотел, чтобы я жила здесь.

Ридер снова посмотрел на фотографию.

– Вы знакомы с констеблем Бернеттом?

Ее щеки слегка порозовели и тут же снова потухли, но это не осталось незамеченным.

– Да, я знаю этого слезливого болвана! – со злостью в голосе воскликнула она, но, сообразив, что, застигнутая врасплох неожиданным вопросом, повела себя не совсем так,

как подобает леди, продолжила уже более мягким тоном: – Мистер Бернетт очень сентиментален, а я не люблю сентиментальных людей, тем более что... Ну, вы понимаете, мистер...

– Ридер, – подсказал он.

– Вы понимаете, мистер Ридер, когда девушка обручена и находится в таком положении, как я, подобные проявления внимания не очень-то приятны.

Ридер с интересом рассматривал ее. В том, что она чем-то сильно расстроена, не могло быть сомнений. В области человеческих чувств и того воздействия, которое они производят на внешний вид человека, мистер Ридер являлся почти таким же авторитетом, как великий Мантегацца³.

– Надо же, чтобы это произошло именно на ваш день рождения! – сочувственно покивал он. – Вдвойне неприятно! Родились вы семнадцатого октября. Вы, разумеется, англичанка?

– Да, я – англичанка, – коротко сказала она. – Родилась в Уолуорте... То есть в Уолингтоне. В Уолуорте я когда-то жила.

– Сколько вам лет?

– Двадцать три, – ответила она.

Мистер Ридер снял пенсне и протер стекла большим шелковым носовым платком.

– Все это очень грустно, – сказал он. – Но я рад, что смог поговорить с вами. Поверьте, я вам искренне сочувствую.

После этого с кислой миной на лице мистер Ридер попрощался и ушел.

Девушка закрыла за ним дверь, увидела, как он, остановившись где-то на середине дорожки, ведущей к калитке, поднял что-то с края клумбы, и, нахмурившись, подумала, зачем этому мужчине среднего возраста понадобилась подкова, которую она вчера вечером выбросила в окно. После того как этот ржавый кусок металла отправился в задний карман мистера Ридера, он в задумчивости продолжил свое странствие в сторону дома садовника, ибо намеревался задать тому несколько вопросов.

Патруль десятого участка как раз выстроился на поверку перед выходом на дежурство, когда мистер Ридер скромно, бочком вошел в комнату для допросов и представился дежурному инспектору.

– Ах да, мистер Ридер, – любезно произнес офицер. – Мы получили записку из канцелярии прокурора. Я, кажется, имел удовольствие работать с вами несколько лет назад над делом о крупной банде фальшивомонетчиков. Так чем я могу вам помочь?.. Бернетт? Да, он здесь.

Он громко произнес названную фамилию, и из строя вышел молодой симпатичный офицер.

– Констебль Бернетт обнаружил убийство... Он представлен к повышению, – сказал инспектор. – Бернетт, этот джентльмен из канцелярии государственного прокурора, он хочет задать вам пару вопросов. Мистер Ридер, я думаю, вам удобнее будет разговаривать в моем кабинете.

Молодой полицейский отсалютовал и последовал за Ридером, который шаркающей походкой направился в уединенный кабинет инспектора, где им никто не мог помешать. Это был уверенный в себе молодой человек, еще бы: его имя и фотография уже попали в газеты, ему уже светило повышение, так что, судя по всему, перед ним открывалась блестящая перспектива.

– Мне сказали, вы увлекаетесь поэзией, офицер, – поинтересовался мистер Ридер.

Бернетт залился краской.

– Да, сэр, пишу немного, – признался он.

³ Мантегацца, Паоло (1831–1910) – великий итальянский невролог, физиолог и антрополог.

– Любовные стихотворения, наверное? – мягко произнес сыщик. – Когда ночью не спится, иногда бывает время для таких... э-э-э... фантазий. И нет лучшего вдохновения, чем... гм... любовь, верно, офицер?

Лицо Бернетта уже пылало.

– Да, сэр, я по ночам, бывает, сочиняю, – сказал он. – Но я никогда не пренебрегаю своими обязанностями.

– Разумеется, – пробормотал мистер Ридер. – У вас душа поэта. Лишь человеку с душой поэта могла прийти в голову мысль рвать цветы посреди ночи...

– У садовника мне сказали, что я могу взять любые цветы, какие захочу, – встревоженным голосом перебил его Бернетт. – Я не сделал ничего плохого.

Ридер опустил голову, давая понять, что согласен.

– Это я знаю. Вы нарвали цветы в темноте (и, к слову, нечаянно добавили к хризантемам астру), привязали к ним свое небольшое стихотворение и оставили этот букет на пороге, придавив его... кхм... подковой. Интересно, откуда она взялась?

– О нет, я осыпал ими ее... То есть положил их на ее подоконник, – смущенно поправил его молодой человек. – Вообще-то мне эта идея пришла в голову, когда я проходил мимо ее дома...

Мистер Ридер настороженно подался вперед.

– В этом я и хочу удостовериться, – тихо сказал он. – Значит, вы подумали о том, чтобы оставить цветы на окне только после того, как прошли мимо ее дома? Это подкова натолкнула вас на эту мысль? Затем вы вернулись, нарвали цветов, перевязали их, снабдив своим небольшим, написанным еще до того стихотворением, и бросили букет ей на окно... Имя леди называть не будем.

У констебля Бернетта от изумления вытянулось лицо.

– Не понимаю, как вы могли об этом догадаться, но все действительно так и было. Если я сделал что-то дурное...

– В том, что человек бывает влюблен, нет ничего дурного, – рассудительно заметил мистер Дж. Г. Ридер. – Любовь – это замечательно... Я читал об этом.

Мисс Магда Грэйнд оделась к дневному выходу и уже примеряла шляпку, когда заметила, что по мозаичной дорожке к дому приближается тот самый странный человек, который уже заходил к ней рано утром. Следом за ним шел (она узнала и его) полицейский инспектор, занятый в этом деле. Служанки не было, так что кроме нее самой никто встретить их не мог. Она быстро зашла за туалетный столик и, выглянув в окно эркера, окинула взглядом улицу. Да, на дороге остановилось такси, обычный спутник подобных визитов. Рядом с водителем стоял еще один мужчина, судя по виду, «деловой»⁴.

Она приподняла покрывало на кровати, взяла лежавшую там тугую пачку банкнот и бросила ее в сумочку, после чего на цыпочках вышла на лестничную площадку, оттуда в пустую комнату, открыла там окно и выпрыгнула на плоскую крышу кухни. Через минуту она уже шла через сад к калитке, ведущей в узкий проход, разделяющий два ряда выходящих друг к другу задними стенами вилл. Она уже была на главной улице и села в машину, когда мистер Ридер устал стучать в дверь. Больше мистер Ридер ее не видел.

По просьбе государственного прокурора после обеда он зашел домой к своему начальнику и рассказал ему об этом странном происшествии.

– Грин, которого за особые заслуги во время войны назначили на занимаемый им пост через голову его начальства (что очень необычно), действительно бывший заключенный,

⁴ «Деловой» – прозвище полицейского на воровском жаргоне.

и он не лгал, когда рассказал, что получил письмо с угрозами от человека, отбывавшего наказание одновременно с ним. Этого шантажиста зовут, вернее звали, Артур Джордж Крейтер, также он известен под фамилией Моллинг!

– Не может быть! Ночной охранник в банке! – ошеломленно воскликнул государственный прокурор.

Мистер Ридер кивнул.

– Да, сэр, это был Артур Моллинг. Его дочь, мисс Магда Крейтер, как она верно обмолвилась, родилась в Уолурте семнадцатого октября 1900 года. Потом она назвала Уолингтон, но вначале сказала Уолурт. Я давно заметил, если люди меняют фамилии, имена они почти всегда оставляют прежними, так что не представлялось слишком сложным установить, что это за «Магда».

Совершенно очевидно, что Моллинг тщательно спланировал ограбление банка. Он привез дочь под чужим именем в Илинг и подстроил так, чтобы она познакомилась с мистером Грином. Задачей Магды было втереться в доверие к Грину и разузнать о нем как можно больше. Вероятно, вдобавок к этому она должна была добраться до его ключей и сделать с них слепки. О том, сам ли Моллинг узнал в управляющем банка своего бывшего тюремного знакомого, или же его дочь сообщила ему об этом, нам никогда не станет известно. Как бы то ни было, когда он узнал это, ему, по всей видимости, пришло в голову, как можно ограбить банк так, чтобы подозрение пало на управляющего.

Девушке отводилась роль разводящейся женщины, и я должен признаться, долго ломал над этим голову, пока не понял, что Моллинг ни при каких обстоятельствах не пошел бы на то, чтобы его дочь каким-либо образом была связана с управляющим банком.

Для ограбления было выбрано семнадцатое число. Замысел Моллинга избавиться от управляющего сработал. В кабинете Грина он увидел на столе письмо, прочитал его, забрал ключи (хотя, скорее всего, у него уже были дубликаты), в удобный момент вынес из хранилища банка столько наличности, сколько смог, и, не теряя времени, переправил в дом на Ферлинг-авеню. Там он спрятал деньги в цветочной клумбе в середине сада под розовым кустом... Я сразу заметил, что с этим несчастным кустом что-то не в порядке. Его явно неправильно подкармливали. Надеюсь, его еще можно будет спасти – я уже дал указание пересадить его и хорошенько удобрить землю.

– Да-да, понятно, – нетерпеливо произнес прокурор, которого совершенно не интересовало садоводство.

– Высаживая куст, Моллинг торопился и поцарапал руку. У роз ведь есть шипы... Я специально побывал в Илинге, чтобы осмотреть этот куст. В банк он вернулся быстро, но не сразу приступил ко второй части своего плана. Он знал, что констебль Бернетт явится туда с проверкой в определенное время. Он приготовил сосуд с хлороформом, наручники и веревки оставил в банке заранее. Моллинг занял пост на углу улицы и стал дожидаться, когда покажется фонарь Бернетта. Едва заметив его, он со всех ног побежал в банк, дверь оставил за собой открытой, обвязал себя, застегнул наручники и лег на пол, рассчитывая, что полицейский явится вовремя, увидит открытую дверь и спасет его, прежде чем хлороформ успеет причинить какой-нибудь вред.

Однако констебль Бернетт немного задержался в пути: всего лишь обмолвился парой приятных слов с его дочерью. Наверняка девушка имела указания от отца вести себя с полицейским как можно любезнее. Бернетт – по натуре романтик, он знал, что у девушки день рождения, и вот, шагая по улице, он споткнулся о старую подкову. Через какое-то время в голове у него родилась мысль вернуться, приладить к подкове какие-нибудь цветы (благо садовник позволил ему рвать в своем дворе любые цветы) и оставить этот маленький букетик, так сказать, у стоп своей возлюбленной... Довольно поэтичная идея, вполне в духе доб-

лестной столичной полиции. Так он и поступил, но на все это ушло несколько драгоценных минут, и в то время, пока молодой человек любезничал с девушкой, Артур Крейтер умирал!

Сознание он потерял через несколько секунд после того, как лег на пол... Хлороформ продолжал капать, и когда полицейский наконец добрался до банка, опоздав на десять минут, Крейтер уже был мертв.

Государственный прокурор откинулся на мягкую спинку кресла и внимательно посмотрел на своего нового подчиненного.

– И как только вам удалось собрать все это вместе? – удивленно спросил он.

Мистер Ридер с сожалением покачал головой.

– Есть у меня один серьезный недостаток, даже извращенность, – сказал он. – Это ужасно, но это правда. Я вижу зло во всем... В умирающих розовых кустах, в подковах... даже в поэзии. У меня разум преступника. Меня это ужасно тяготит!

2. Охота за сокровищами

В преступном мире бытует мнение, что все, в том числе и самые скромные сыщики, – люди очень состоятельные, даже богатые, и что капиталы свои они зарабатывают воровством, взяточничеством и шантажом. В полях, каменоломнях, швейных цехах, прачечных и пекарнях пятидесяти тюрем и трех колоний графства перешептываются, что все высокопоставленные борцы с преступностью разными нечестными способами давно уже заработали себе огромные богатства и своими непосредственными обязанностями занимаются исключительно ради удовольствия, поскольку то жалованье, которое они получают официально, составляет лишь незначительную часть их доходов.

Поскольку мистер Дж. Г. Ридер больше двадцати лет имел дело почти исключительно с грабителями банков и фальшивомонетчиками, считающимися своего рода аристократами и капиталистами воровского сообщества, молва приписала ему владение загородными виллами и непомерным тайным богатством. И не на банковских счетах хранились какие-то баснословные суммы, – считалось, что он слишком умен, чтобы рисковать и таким простым образом скрывать нечестно заработанные деньги от проверяющих органов. Нет, накопления его спрятаны в каком-то месте понадежнее. Сотни нарушителей закона мечтали когда-нибудь обнаружить этот тайник и затем жить припеваючи до конца своих дней. Все они сходились в одном: единственное, что было хорошего в этих сокровищах, их хозяин, будучи немолодым человеком (ему уже за пятьдесят), не мог забрать их с собой, ибо золото при определенной температуре плавится, а ценные бумаги редко печатаются на асбестовой бумаге.

Однажды в субботу глава прокурорской службы обедал в своем клубе с судьей Королевского суда (суббота – один из двух дней в неделе, когда судья имеет возможность нормально поесть), и разговор у них зашел о некоем мистере Дж. Г. Ридере, главе прокурорских ищек.

– Он – способный работник, – хоть и с неохотой, признал главный прокурор, – но меня ужасно раздражает его шляпа. Еще господин... в свое время носил такую же. – Тут он назвал фамилию одного очень известного политика. – А уж черный сюртук его я просто видеть не могу. Люди, когда он заходит в кабинет, принимают его за коронера. И все же он – очень толковый человек. Но бакенбарды у него!.. Пакошь самая настоящая. К тому же он производит такое впечатление, что, если бы я заговорил с ним грубо, он бы расплакался – нежная натура. Даже слишком нежная для нашей работы. Он перед посыльным извиняется каждый раз, когда вызывает его.

Судья, превосходно разбиравшийся в людях, сказал на это с холодной усмешкой:

– Судя по вашему описанию, это – потенциальный убийца.

Надо сказать, что его честь в своей несколько преувеличенной оценке был несправедлив к мистеру Дж. Г. Ридеру, поскольку мистер Ридер был способен нарушить закон... даже очень. В то же время у многих людей сложилось совершенно неверное представление о безобидности Дж. Г. Ридера как человека. Одним из них был некто Лью Коэль, который промышлял печатанием банковских билетов, но не брезговал и обычными квартирными кражами.

Люди, которые часто слышат в свой адрес угрозы, живут долго – истина избитая, но, как и все избитые истины, соответствует действительности. Уж сколько раз, спускаясь со свидетельской трибуны, мистер Дж. Г. Ридер ловил исполненный ненависти взгляд сидящего на скамье подсудимых и прислушивался с ленивым любопытством к разнообразным обещаниям относительно того, что произойдет с ним в самом ближайшем будущем. Дело в том, что он являлся одним из авторитетнейших знатоков всего, что касалось подделки банковских билетов, и уже многих «специалистов» он отправил на каторжные работы.

Мистер Ридер, сей безобидный человек, повидал на своем веку разных преступников: и таких, которые в бешенстве исходили пеной, и мертвенно-бледных, и пунцовых, он слышал их злобное завывание и проклятия. Случалось и так, что он встречал кого-то из них после их освобождения, и тогда они оказывались вполне дружелюбными людьми, которые немного стыдились и немного удивлялись своим почти забытым припадкам и страшным угрозам.

Однако, когда в начале 1914 г. Лью Коэль был приговорен к десяти годам, он не стал ни насылать на мистера Ридера проклятия, ни обещать вырвать сердце, легкие и прочие жизненно важные органы из его щедедушного тела. Лью всего лишь улыбнулся. На какой-то момент его глаза повстречались с глазами сыщика... У фальшивомонетчика глаза были бледно-голубыми, изучающими. В них не было ни ненависти, ни злости, только в них ясно читалось: «При первой же возможности я убью вас!»

Мистер Ридер увидел это и тяжело вздохнул, поскольку не любил неразберихи и обижался (насколько вообще мог на что-либо обижаться), когда на него возлагали личную ответственность за исполнение общественного долга.

Много лет прошло с тех пор, большие перемены произошли в судьбе мистера Ридера. Если раньше в его задачу входило просто выявлять фальшивомонетчиков, то теперь он занимал видное место в канцелярии государственного прокурора, но улыбки Лью он так и не забыл.

Работа в Уайтхолле⁵ была необременительной и одновременно очень интересной. К мистеру Ридеру стекалась большая часть анонимных писем, которые каждый день приходили его начальнику пачками. По большей части эти опусы не требовали особенного внимания, и не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понимать, для чего они пишутся. Ревность, злоба, откровенный злой умысел, иногда низменное желание получить ту или иную финансовую выгоду от своего послания – вот то, что чаще всего толкало людей взяться за перо. Но иногда:

«Сэр Джеймс собирается жениться на своей кузине, хотя не прошло еще и трех месяцев с тех пор, как его несчастная супруга упала за борт парохода в Английском канале⁶ по пути в Кале. Это очень подозрительно! Мисс Маргарет не любит его, поскольку знает, что ему нужны только ее деньги. И потом: почему меня отослали в Лондон той ночью? Ведь он сам

⁵ Улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения.

⁶ Английское название Ла-Манша.

не любит ездить по ночам. Странно и то, что он решил ехать ночью, когда шел проливной дождь».

Письмо это было подписано: «Друг». У правосудия немало таких «друзей».

«Сэр Джеймс» – это сэр Джеймс Тайтермит, руководитель одного из новых публичных ведомств, появившихся во время войны, который за свои заслуги получил титул баронета.

– Надо бы все это проверить, – сказал прокурор, когда увидел письмо. – Я что-то такое припоминаю, леди Тайтермит действительно утонула в море.

– Девятнадцатого декабря в прошлом году, – серьезно добавил мистер Ридер. – Они с мистером Джеймсом направлялись в Монте-Карло с остановкой в Париже. Сэр Джеймс (у него недалеко от Мейдстона есть дом) приехал в Дувр и поставил машину в гараже гостиницы «Лорд Уилсон». Ночь выдалась бурная, поэтому переправа через пролив оказалась сложной. Судно находилось примерно на середине пролива, когда сэр Джеймс обратился к стюарду и сказал, что не может нигде разыскать жену. Багаж ее был в каюте, все вещи, включая паспорт, билет на поезд и шляпку, остались на месте, но саму леди так и не нашли. С тех пор ее не видел никто.

Прокурор кивнул.

– Вижу, вы хорошо ознакомились с делом.

– Я его помню, – ответил Ридер. – Это одно из моих любимых дел. Я часто его обдумываю, когда есть время. К сожалению, я обладаю одной особенностью: во всем вижу зло и часто задумывался над тем, до чего легко... Впрочем, в этом, наверное, виновато то, что я имею дело только с изнанкой жизни. Когда у тебя разум преступника, это так мешает!

Прокурор подозрительно посмотрел на него. Он никогда не мог понять, серьезно ли говорит мистер Ридер или шутит. Сейчас его рассудительность не вызвала сомнений.

– Это письмо написал уволенный водитель, это понятно, – начал он.

– Томас Дейфорд, Бэррэк-стрит, 179, Мейдстон, – подхватил мистер Ридер. – Сейчас он работает в Кентской автобусной компании, у него трое детей, двое – близнецы и оба отчаянные сорванцы.

Прокурор рассмеялся и беспомощно развел руками.

– Вижу, вижу, вы все знаете! – сказал он. – Разберитесь с этим письмом. Сэр Джеймс – большая шишка в Кенте, он – мировой судья и вхож в наиболее влиятельные политические круги. Конечно, в самом письме ничего нет, но действуйте осторожно, Ридер. Если я получу выговор, вам тоже не поздоровится...

У мистера Ридера было свое понимание того, как следует работать осторожно. На следующее утро он отправился в Мейдстон и, найдя автобус, проходящий мимо ворот сада поместья Элфреда, удобно и недорого прокатился до нужной ему остановки, сунув старый зонтик между колен. Пройдя ворота поместья, он двинулся по длинной извилистой аллее, обсаженной тополями, и вышел к серому зданию.

На лужайке перед домом он увидел девушку, сидящую в глубоком кресле с книгой на коленях. Через какое-то время она, видимо, тоже его заметила, потому что встала и торопливо пошла прямо через лужайку ему навстречу.

– Я – мисс Маргарет Летерби. Вы из... – она назвала одну известную адвокатскую контору и заметно расстроилась, когда мистер Ридер с сожалением отверг свою связь с этими светилами юриспруденции.

Девушка была красива настолько, насколько позволяло ее круглое, не особенно умное лицо.

– А я подумала... Вам нужен сэр Джеймс? Он в библиотеке. Звоните в дверь, кто-нибудь из служанок проведет вас к нему.

Если бы мистер Ридер умел удивляться, его бы непременно удивило, что девушка, имеющая собственные деньги, против своего желания вышла замуж за мужчину, настолько

старше ее. Но после встречи с ней ему все стало понятно: мисс Маргарет вышла бы замуж за любого мужчину с сильным характером, который проявил бы настойчивость.

«Даже за меня», – подумал мистер Ридер и печально улыбнулся.

Звонить не понадобилось. Высокий широкоплечий мужчина в костюме для гольфа стоял в дверях. Длинные светлые волосы спускались на лоб гладкой прядью, густые пшеничные усы скрывали рот и доходили концами до вытянутого волевого подбородка.

– Что нужно? – с угрозой в голосе осведомился усач.

– Я из канцелярии государственного прокурора, – пробормотал мистер Ридер. – Я получил анонимное письмо.

Его бледные глаза неотрывно смотрели на лицо хозяина поместья.

– Входите, – неприятливо произнес сэр Джеймс. Закрывая дверь, он бросил быстрый взгляд сначала на девушку, а потом на тополиную аллею. – Ко мне один болван из адвокатской конторы должен пожаловать, – сказал он, распахивая перед гостем дверь библиотеки.

Голос его был спокоен, и когда мистер Ридер рассказал, что привело его сюда, он, что называется, и бровью не повел.

– Ну что с этой анонимкой? Вы ведь, насколько мне известно, у себя на подобный мусор не обращаете внимания, верно?

Мистер Ридер аккуратно положил на стул зонтик и шляпу и лишь после этого достал из кармана обозначенный документ и передал его баронету. Тот, ознакомившись с письмом, нахмурился. Но что это? У мистера Ридера разыгралось воображение, или же действительно взгляд сэра Джеймса немного прояснился, когда он прочитал анонимку?

– Все это выдумки какого-то проходимца, который увидел на торгах в Париже драгоценности моей жены, – сказал он. – Полная ерунда. Я могу дать отчет о каждой безделушке моей несчастной супруги. После той ужасной ночи я привез шкатулку с ее драгоценностями домой. Но я не узнаю почерка. Кто же этот лживый подлец?

Мистера Ридера, который собственноручно делал копию с письма, еще никогда не называли лживым подлецом, но он отнесся к этому с завидным смирением.

– Я тоже посчитал это выдумкой, – сказал он, качая головой. – Я внимательно изучил все подробности этого дела. Вы уехали днем...

– Вечером, – бестактно прервал его сэр Джеймс. Он не собирался обсуждать этот случай, но мистер Ридер смотрел на него таким подкупающим взглядом, что ему ничего не оставалось делать, кроме как продолжить: – До Дувра езды всего восемьдесят минут. В порту мы были в одиннадцать, почти в то же время, когда приходит поезд, и сразу поднялись на борт. Я получил ключи от каюты у стюарда и отправил туда ее светлость и багаж.

– Ее светлость хорошо переносила морскую качку?

– Да, прекрасно! В тот вечер она вообще прекрасно себя чувствовала. В каюте она задремала, и я вышел на палубу прогуляться...

– Когда шел сильный дождь и море штормило, – покивал мистер Ридер, будто соглашаясь со сказанным.

– Да... Я тоже прекрасно переносу качку... Как бы то ни было, вся эта история с драгоценностями моей несчастной жены яйца выеденного не стоит. Можете так и передать своему начальнику вместе с моими наилучшими пожеланиями.

Он красноречиво открыл перед гостем дверь, но мистер Ридер еще немного задержался, собирая вещи и пряча письмо в карман.

– У вас прекрасный дом, сэр Джеймс... Очень красивое поместье. Наверное, большое?

– Три тысячи акров, – на этот раз он уже и не старался скрыть нетерпеливость. – Всего доброго.

Мистер Ридер медленно брел по тополиной аллее, но удивительная память его в эту секунду напряженно работала.

Он пропустил автобус, на который вполне успевал, и без видимой цели пошел бродить по извилистой дороге, тянущейся вдоль границ владений баронета. Пройдя с четверть мили, он натолкнулся на узкую тропинку, которая под прямыми углами расходилась от главной дороги и обозначала, как он догадался, южную границу. На углу за тяжелыми железными воротами неприступного вида стояла старая каменная сторожка. Это ветхое неказистое сооружение выглядело крайне запущенным. С крыши сыпалась черепица, темные окна скалились разбитыми стеклами, маленький садик весь зарос щавелем и чертополохом. За воротами начиналась узкая, вся в сорняках, дорога, скрывавшаяся в отдалении из виду.

Услышав, как звякнула крышка почтового ящика, мистер Ридер обернулся и увидел почтальона, сядившегося на велосипед.

– Что это за место? – спросил мистер Ридер, задерживая письмоносца.

– Южная сторожка имения Джеймса Тайтермита. Сейчас здесь никто не живет. Она уже несколько лет пустует... Не знаю почему, ведь это самая короткая дорога к дому.

Мистер Ридер пошел вместе с ним к деревне. Он был прекрасным «удильщиком» и мог выудить интересующие его сведения даже из самого скудного источника, а словоохотливого почтальона уж никак нельзя было назвать «скудным».

– Да, бедная женщина! Леди была очень болезненной... Из тех инвалидов, которые много здорового переживут.

Мистер Ридер задавал вопросы наугад, спрашивал о первом, что приходило ему в голову.

– Да, ее светлость плохо переносила качку. Я знаю, потому что каждый раз, отправляясь за границу, она заказывала целую бутылку средства, которым спасаются от морской болезни. Я и сам много раз доставлял ей такие бутылки, пока они еще продавались у Райкера (это аптекарь здешний). «“Друг путешественника” Пиккерса» – так оно называлось. Мистер Райкер как раз на днях жаловался мне, что завез полдюжины бутылок и теперь не придумает, куда их деть. Никто в Климбери, знаете ли, по морям не ездит.

Мистер Ридер дошел до деревни и потратил свое драгоценное время на посещение самых неожиданных мест. Он побывал у аптекаря, заглянул в кузнечную мастерскую, зашел на небольшую строительную площадку. Обратившись в Мейдстон он отправился на последнем автобусе, и ему несказанно повезло успеть на последний поезд до Лондона.

На следующий день на вопрос своего начальника он ответил как обычно туманно:

– Да, я встретился с сэром Джеймсом. Очень интересный человек.

Было это в пятницу. Всю субботу он был занят, а священный день отдохновения посвятил новому занятию.

В то яркое воскресное утро мистер Ридер, в домашнем халате в цветочек и в черных бархатных тапочках, стоял у окна своего дома на Брокли-роуд и осматривал пустынную улицу. На местной церкви, которая именовалась Высокой, прозвенел колокол, созывая прихожан на первую мессу, вокруг не было видно ни души, если не считать черного кота, гревшегося на солнышке на верхней ступеньке дома напротив. Было это в половину восьмого, мистер Ридер работал за своим столом при электрическом освещении с шести. Март близился к концу.

Из полукруга эркера ему открывался вид на часть Луишем-хай-роуд и на тот отрезок Таннерс-хилл, который, перевалив за железнодорожный мост, углубляется в Дептфорд⁷.

Вернувшись к письменному столу, он вскрыл пачку самых дешевых сигарет, достал одну и закурил, неумело держа ее двумя пальцами. Сигареты он курил, как женщина, которая терпеть их не может, но делает это, думая, что так положено.

– Боже мой! – вдруг слабым голосом произнес мистер Ридер.

⁷ Район в черте Большого Лондона на южном берегу Темзы.

Сыщик бросился к окну и впился взглядом в человека, который сворачивал с Луишем-хай-роуд. Тот пересек дорогу и направлялся прямоком к «Желтому нарциссу» (это игривое название красовалось на дверном косяке дома мистера Ридера). Это был высокий подтянутый мужчина с угрюмым, сильно загорелым лицом. Он вошел в калитку, после чего покинул поле зрения наблюдателя.

– Боже мой! – снова воскликнул мистер Ридер, услышав звон колокольчика.

Через пару минут в дверь его комнаты постучала экономка.

– Сэр, вы примете мистера Коэля? – спросила она.

Мистер Дж. Г. Ридер кивнул.

Мистер Лью Коэль вошел в комнату и увидел работающего за письменным столом человека в красочном халате и пенсне, кривобоко оседлавшем его нос.

– Доброе утро, Коэль.

Лью Коэль смотрел на того, кто на семь с половиной лет отправил его в настоящий ад. Кончики его тонких губ нервно дернулись.

– Доброе, мистер Ридер. – Его глаза скользнули по почти голой поверхности письменного стола, на которой теперь покоились сцепленные пальцами руки мистера Ридера. – Что, не ждали?

– Не так рано, – ответил Ридер негромким голосом. – Но я хорошо знаю, что ранний подъем – одна из полезных привычек, которые прививают каторжные работы.

Произнес он это тоном человека, который хвалит кого-то за хорошее поведение.

– Я полагаю, вы прекрасно догадываетесь, для чего я здесь, верно? У меня прекрасная память, Ридер, а в Дартмуре есть время хорошенько обо всем подумать.

Старший из мужчин поднял песочные брови, и пенсне в стальной оправе у него на носу скособоилось еще сильнее.

– Где-то такие слова я уже слышал, – сказал он, брови его опустились и хмуро сложились над переносицей. – Дайте подумать... Ах да, это из какой-то мелодрамы, ну конечно же. Только вот из какой именно... «Души в доспехах» или «Клятва новобрачных»?

Он, кажется, действительно увлекся этим вопросом.

– Это будет пьеса другого жанра, – процедил сквозь зубы Лью. – Я доберусь до вас, Ридер. Можете так и передать своему патрону, государственному прокурору. Но я доберусь до вас, это как пить дать! И не будет свидетелей – на виселицу меня не отправят, да еще и весь ваш капиталец ко мне перейдет, Ридер!

Даже такой трезвомыслящий человек поддался очарованию легенды о богатстве Ридера.

– К вам перейдет мой капиталец? Господи, я же без последней рубашки останусь! – с легкой насмешкой в голосе воскликнул мистер Ридер.

– Вы знаете, о чем я... Подумайте об этом еще раз. В какой-нибудь прекрасный день вы выйдете из дому, потеряв бдительность, и весь Скотленд-Ярд не поймает меня за убийство! Я уже обдумал, как это...

– Да, в Дартмуре есть время подумать, – ободряюще произнес мистер Дж. Г. Ридер. – Вы так скоро превратитесь в настоящего «Мыслителя», Коэль. Знаете шедевр Родена – это изумительная скульптура, она просто дышит жизнью!

– Довольно! – Лью Коэль поднялся, в уголках его губ все еще дрожала улыбка. – Может быть, вы на досуге еще подумаете над этим, и через день-два вам уже будет не так смешно.

Лицо Ридера было печальным, даже жалким. Растрепанные седоватые волосы, казалось, встали дыбом, а большие уши, которые торчали в стороны под разными углами, имели такой вид, будто мелко дрожали.

Ладонь Лью Коэля легла на дверную ручку.

Бух!

Что-то маленькое и тяжелое ударило в стенную панель. Это «что-то» пролетело рядом с самой щекой Коэля, и почти в тот же миг глаза его увидели глубокую дыру, образовавшуюся в стене, а на лицо полетели крошки штукатурки. Взревев, Коэль крутанулся на месте.

Мистер Ридер в изумлении смотрел на браунинг у себя в руке с длинным цилиндрическим глушителем на стволе.

– Как это получилось? – недоуменно пролепетал он.

Лью Коэль застыл на месте, дрожа всем телом от гнева и страха. Лицо его сделалось желтовато-бледным.

– Скотина... – хриплым голосом произнес он. – Вы... вы хотели застрелить меня!

Мистер Ридер уставился на него поверх пенсне.

– Господь с вами, неужто вы так подумали?.. Все еще думаете убить меня, Коэль?

Коэль попытался что-то сказать, но, не подыскав слов, распахнул дверь, помчался по лестнице и выбежал на улицу. Едва он ступил на первую ступеньку порога, как что-то пролетело рядом с ним и рассыпалось на осколки у его ног. Это была большая каменная ваза, украшавшая подоконник спальни мистера Ридера. Перепрыгнув через осколки и гору рыхлой земли, перемешанной с цветочными корнями, он посмотрел вверх и увидел удивленное лицо мистера Дж. Г. Ридера.

– Ничего, мы еще встретимся! – выкрикнул Коэль.

– Вы не пострадали? – с тревогой в голосе спросил человек в окне. – Извините, бывает! Вот так иной раз...

Не дослушав сыщика, Лью Коэль быстро зашагал прочь.

Мистер Стэн Брайд принимал утреннюю ванну, когда к нему в комнату, выходящую окном на площадь Фицрой-сквер, ввалился его друг и бывший тюремный сосед.

Стэн Брайд (человек, менее всего напоминавший о чем-то невинном или возвышенном, поскольку был коренастым толстым мужчиной с огромным красным лицом и самое меньшее тройным подбородком) прекратил вытираться, обернулся и посмотрел на гостя через плечо.

– Что стряслось? – спросил он. – У тебя вид такой, будто за тобой фараоны гонятся. Куда это ты так рано ходил?

Лью принялся рассказывать ему, что произошло, и веселая физиономия его соседа от удивления вытягивалась все длиннее и длиннее.

– Ты, похоже, совсем спятил! – прошипел он. – К Ридеру с такими разговорами являться... Ты что, думаешь, он тебя не ждал? Думаешь, он не знал о тебе, как только из Дартмура нос твой показался?

– Ничего, я хотя бы нагнал на него страху, – сказал Коэль, но мистер Брайд поднял его на смех.

– Да ты у нас герой! – осклабился толстяк. – Испугать этого старика... – В действительности он употребил другое слово. – Если он сейчас такой же бледный, как ты, считай, тебе это удалось. Да если бы он хотел действительно тебя пристрелить, тебя уже давно в морг бы свезли. Он не хотел тебя убивать... «Мыслитель», говоришь... Он, пожалуй, скорее, хочет, чтобы ты о чем-то подумал.

– И откуда этот пистолет у него взялся? Я ведь не...

Тут в дверь постучали, и мужчины переглянулись.

– Кто там? – спросил Брайд и в ответ услышал знакомый голос.

– Это тот деловой из Ярда, – прошептал Брайд и открыл дверь.

«Деловым» оказался сержант Оллфорд из управления уголовных расследований, добродушный толстяк и многообещающий следователь.

– Привет, ребятки. Стэн, опять в церковь не ходил?

Стэн вежливо улыбнулся.

– Как жизнь, Лью?

– Нормально. – Фальшивомонетчик смотрел на него настороженно и с подозрением.

– Вот, зашел к вам насчет одного ствола... Есть у меня мыслишка, что вы его тут у себя храните. «Лью-кольт», автоматический, R.7/94318. Нехорошо. В нашей стране запрещено иметь оружие.

– Нет у меня никакого пистолета, – угрюмо произнес Лью.

Глядя на Брайда, можно было решить, что в эту секунду он постарел на несколько лет, потому что тоже был освобожден временно, и, если бы у него дома нашли пистолет, его тут же упекли бы обратно добывать срок.

– Прогуляемся до участка или разрешишь тебя пощупать?

– Щупайте. – Пока сыщик его обыскивал, Лью стоял, покорно разведя руки.

– Я тут осмотрюсь немного, – как бы между прочим произнес сержант Оллфорд, и «осмотр» его оказался очень внимательным. – Что ж, наверное, ошибся я, – сказал полицейский и неожиданно добавил: – Что ты выбросил в реку, когда шел по набережной?

Лью воззрился на него в полном недоумении. До этого он и не подозревал, что этим утром за ним следили.

Брайд, глядя в окно, дождался, пока сыщик, перейдя через площадь, скрылся за углом, и в бешенстве повернулся к компаньону.

– Считаешь себя самым умным, да? Этот старый пес знал, что у тебя есть пистолет... Знал его номер. Если бы Оллфорд нашел его, тебя бы сразу замели и меня вместе с тобой!

– Я его в реку выбросил, – жалко попробовал оправдываться Лью.

– Мозгов не много, но хоть что-то есть! – процедил Брайд, тяжело дыша. – Бросай это дело с Ридером. Он страшный человек. Если ты это еще не понял, тебе же хуже будет. Нагнал на него страху! Идиот! Да он тебе горло перережет и песню об этом сложит...

– Откуда мне было знать, что они пасут меня? – обозлился Коэль. – Но я все равно доберусь до него! И до его денег.

– Добирайся до него из какого-нибудь другого места, – грубо бросил Брайд. – С воров я бы сжился – я сам вор. И с убийцей я бы сжился. Но от говорящего осла меня с души воротит. Если можешь добраться до его добра – добирайся (учти только, что все оно наверняка вложено в недвижимость, а дом ты никак не унесешь), только не болтай попусту. Лью, ты вообще-то парень ничего и где-то даже нравишься мне, но это «где-то» отсюда далеко так, что и не увидишь... А Ридер мне не нравится... Мне вообще змеи не нравятся, поэтому я держусь подальше от зоопарков.

После этого разговора пришлось Лью Коэлю перебираться в другое место, и новое жилье нашлось на верхнем этаже дома какого-то итальянца на Дин-стрит. Там у него появились время и желание предаться мрачным мыслям о своей неудаче и придумать новый план уничтожения своего врага. А новый план был нужен, потому что все те хитроумные замыслы, которые казались отточенными и крепкими в тиши девонширской⁸ камеры, на поверку оказались не такими уж безукоризненными.

Надо сказать, что жажда крови Лью претерпела сильное изменение. Над ним поэкспериментировал очень умный психолог, хотя сам он никогда не думал о Ридере в таком свете, да и вообще слишком смутно представлял себе значение этого слова. Но были ведь и другие способы поквитаться с Ридером, и почему-то мыслями он все время возвращался к своей давней мечте найти и прибрать к рукам припрятанные сокровища нечистого на руку сыщика.

⁸ Тюрьма Дартмур находится в английском графстве Девоншир.

Спустя примерно неделю мистер Ридер попросился на прием к своему начальнику, и «большой» человек как зачарованный слушал подчиненного, пока тот излагал свою сногсшибательную версию дела сэра Джеймса Тайтермита и его покойной супруги. Когда мистер Ридер закончил, его шеф отодвинул кресло от рабочего стола.

– Дорогой мой, – начал он слегка раздраженно, – я не могу выписать ордер, основываясь на одних ваших предположениях... даже ордер на обыск. Ваша история настолько необычна, настолько невероятна, что место ей, скорее, на страницах какого-нибудь скандального романа, чем в отчете государственного обвинителя.

– Ночь была более чем ненастная, но леди Тайтермит не почувствовала приступа морской болезни, – мягко напомнил сыщик. – Это крайне важно, сэр.

Прокурор покачал головой.

– Я не могу этого сделать... – твердо сказал он. – У меня недостаточно улик. Вы представляете, какая буря поднимется? Меня ведь в Уайтхолл потащат, не вас. Вы можете сделать что-нибудь... неофициально?

Мистер Ридер покачал головой.

– Мое присутствие было замечено, – со строгим видом произнес он. – Я полагаю, будет невозможным... э-э-э... скрыть мои следы. Тем не менее я нашел это место и могу указать его с точностью до нескольких дюймов.

Чиновник снова покачал головой.

– Нет, Ридер, – спокойно произнес он. – Весь ваш рассказ основывается исключительно на ваших дедукциях. Да, да, я знаю, что у вас разум преступника, вы уже об этом говорили. И это одна из причин, из-за которой я не могу выписать ордер. У вас одно основание обвинять в чем-то этого несчастного – ваша догадливость. Я не пойду на это. Ни за что!

Мистер Ридер вздохнул и отправился обратно в свой кабинет, но нельзя сказать, что он был сильно расстроен, поскольку в его расследование включился новый элемент.

В течение недели мистер Ридер несколько раз наведился в Мейдстон. Впрочем, вел он себя как ни в чем не бывало и даже не подавал вида, что заметил за собой слежку. Надо сказать, что Коэля он несколько раз замечал в других местах, и это стоило ему нескольких минут напряженных размышлений о том, насколько удачным оказался его эксперимент.

После второй такой встречи в голове сыщика появился план, и, если бы он был человеком, склонным к громкому проявлению веселья, он бы во весь голос рассмеялся, когда однажды вечером, выскользнув из Мейдстонского вокзала и остановив такси, он заметил Лью Коэля, который невдалеке уже договаривался о цене с другим таксистом.

Мистер Брайд был занят утомительным, но важным делом: оттачивал умение срезать колоду карт так, чтобы бубновый туз оставался всегда внизу, когда его бывший сосед ворвался в комнату. Лицо Лью светилось от восторга, отчего душа мистера Брайда ушла в пятки.

– Я взял его за жабры! – с порога выкрикнул Лью.

Брайд отложил карты и встал.

– Кого взял? – холодно спросил он. – И если ты толкуешь об убийстве, лучше ничего мне не говори, а выметайся сразу.

– Никакого убийства.

Сунув руки в карманы, Лью плюхнулся на стул рядом со столом и расплылся в улыбке.

– Я целую неделю ходил за Ридером. И это стоило того!

– Ну? – поторопил его хозяин квартиры, когда гость многозначительно замолчал.

– Я узнал, где Ридер прячет деньги!

– Не может быть!

Лью кивнул.

– В последнее время он что-то подозрительно зачастил в Мейдстон, точнее, в небольшую деревню милях в пяти оттуда. Там ему всегда удавалось уходить от меня. Но недавно, когда Ридер вернулся на станцию, чтобы успеть на последний поезд, он зашел в зал ожидания, а тем временем я отыскал укромное местечко, откуда мог наблюдать за ним. Что, по-твоему, он сделал?

Мистер Брайд не отважился строить догадки.

– Он открыл свой саквояж, – с важным видом произнес Лью, – и достал вот такую пачку денег! – Чтобы было понятнее, он показал двумя пальцами толщину. – То есть он достал деньги из своего тайника! Соображаешь? Я его «провел» до самого Лондона. На вокзале есть ресторан, он зашел туда попить кофе, я, понятно, чтобы на глаза ему не попадаться, снаружи стал ждать. Так вот, выходит он оттуда, рот платком вытирает, и тут, что бы ты думал, у него из кармана выпадает вот эта записная книжка! И он этого не заметил, представляешь? Зато я заметил. Я там измаялся весь, думал, ее кто-нибудь раньше меня заметит или он сам спохватится, но он спокойно направился к выходу, а я в два счета книжечку эту и подобрал. Смотри!

Это была старая записная книжка в потертой рыжей кожаной обложке. Брайд протянул к ней руку.

– погоди, – сказал Лью. – Согласен пятьдесят на пятьдесят? Мне в этом деле помощь нужна.

Брайд заколебался.

– Ладно, это же будет обычная кража... Я в деле! – неохотно согласился он.

– Обычная кража... и десерт! – ликующе воскликнул Лью и бросил книжку на стол.

Почти до самого утра они шепотом разговаривали, обсуждали бухгалтерию мистера Дж. Г. Ридера, которую тот вел идеально, и его безмерное коварство, позволившее ему скопить столько денег.

Вечер понедельника был дождливым. С юго-запада дул сильный ветер, в воздухе носились сорванные листья. Лью и его компаньон шли по проселочной дороге, им предстояло пройти пять миль, которые отделяли их от деревни. В руках ни у одного, ни у другого ничего не было, но у Лью под непромокаемым плащом был спрятан целый набор необычных инструментов, а карманы дождевика оттягивали детали мощной складной фомки.

По пути они не встретили ни души, и как только церковный колокол пробил одиннадцать, Лью взялся за перекладыны ворот у южной сторожки, легко подтянулся, перевалился через верх и бесшумно спрыгнул с другой стороны. За ним последовал мистер Брайд, который, несмотря на тучность, был на удивление подвижен. В темноте показались неровные очертания полуразрушенной сторожки. Они прошли от скрипучих ворот к двери, где Лью, предварительно осмотрев замочную скважину, подсвечивая себе фонариком, вынул кое-какие инструменты из своего инвентаря и приступил к работе.

Дверь была открыта через десять минут, еще через несколько минут они уже стояли в маленькой передней с низким потолком, главной особенностью которой был глубокий камин без решетки. Лью снял свой макинтош, занавесил им окно, лишь после этого усилил свет в своем фонаре и, присев на корточки, сгреб в сторону уголья, а затем внимательно осмотрел стык больших каменных плит.

– Эта кладка свежая, сразу видно, заделано кое-как.

Он вставил загнутый конец фомки в щель и подналег. Одна из каменных плит приподнялась. Расширив щель зубилом и молотком, он просунул конец фомки еще глубже. Когда камень поднялся над краем пола, Брайд подsunул под него зубило и втиснул его в щель.

– Теперь разом, – хрипло произнес Лью.

Они запустили пальцы под каминную плиту и рывком вытащили ее. Лью взял свой фонарик и направил луч в глубь показавшегося темного провала. Но вдруг завопил:

– Господи Боже!

В следующую секунду двое мужчин бросились из дома на улицу, но случилось чудо: ворота распахнулись, точно сами по себе, и как будто из ниоткуда прямо на них выдвинулась темная фигура.

– Руки вверх, Коэль! – скомандовал голос Ридера, и какую бы ненависть ни питал к мистеру Ридеру Лью Коэль, он чуть было не бросился к нему в объятия.

Той же ночью, в двенадцать часов, сэра Джеймса Тайтермит обсуждал дела со своей невестой. Они поговорили о тупоумии ее адвоката, желавшим в целях безопасности ограничить ее право самой распоряжаться своим состоянием, о его собственных сообразительности и дальновидности, позволивших дать полнейшую свободу действий девушке, которая должна была стать его женой.

– Эти мошенники все как один думают только о своих гонорарах, – говорил он, когда в комнату вошел лакей, а за ним без объявления – главный констебль графства и еще один человек, которого он где-то уже видел.

– Сэр Джеймс Тайтермит? – спросил главный констебль, хотя прекрасно знал сэра Джеймса.

– Да, полковник. В чем дело? – спросил баронет. Губы его нервно дернулись.

– Я арестовываю вас по обвинению в предумышленном убийстве вашей жены, Элеоноры Марии Тайтермит.

– Все это дело, – объяснял Дж. Г. Ридер своему шефу, – вращалось вокруг одного вопроса: страдала леди Тайтермит морской болезнью или нет. Если она плохо переносила качку, то маловероятно, чтобы, пробыв на судне хотя бы пять минут, она ни разу не вызвала к себе кого-нибудь из прислуги. Однако никто из прислуги, да и вообще никто на судне не видел ее светлость, и по одной простой причине: ее на борту не было! Ее убили в поместье, и тело ее было спрятано под каменными плитами в камине в заброшенной сторожке. Сэр Джеймс отправился в путешествие один. На автомобиле он доехал до Дувра, сдал багаж носильщику и велел ему нести вещи к его каюте, пока сам он будет ставить машину в гараж гостиницы. Он точно рассчитал время, чтобы попасть на борт судна вместе с толпой пассажиров, прибывших на поезде, так что никто не мог сказать точно, был он один или с женой, впрочем, никому до этого и дела не было. Стюард выдал ему ключ от каюты, сэра Джеймса внес вещи жены, включая ее шляпку, заплатил носильщику и отпустил его. Теперь леди Тайтермит официально была на борту: на трапе он сдал ее билет контролеру и получил документ о посадке. Ну, а потом обнаружил, что она якобы исчезла. Судно обыскали, но, разумеется, несчастную леди так и не нашли. Как я уже говорил раньше...

– Знаю, знаю, у вас разум преступника, – улыбнулся прокурор. – Продолжайте, Ридер.

– Имея эту странную и, если честно, сомнительную особенность, я вдруг понял, как просто было сделать так, чтобы все были уверены, будто леди находится на борту. И я решил, что, если убийство совершено, произойти это должно было в пределах нескольких миль от дома. Потом я стал наводить справки и от местного строителя узнал, что сэра Джеймса просил его показать, как делать строительный раствор, а от кузнеца – что он чинил ворота, поврежденные, скорее всего, автомобилем сэра Джеймса. Поломанную решетку я уже видел, поэтому меня лишь интересовало, как давно проводился ремонт. В том, что тело убитой находится в сторожке под камином, у меня почти не было сомнений, но без ордера на обыск мое предположение нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть, а провести собственное расследование я не мог, потому что это ставило под удар репутацию нашего ведомства... Если мне позволено назвать его «нашим», – извиняющимся тоном прибавил Ридер.

Прокурор задумался.

– И вы, разумеется, заставили этого человека, Коэля, заглянуть под камин, внушив ему, что храните там свои сокровища. Об этом вы, надо полагать, упомянули в своей записной книжке? Но откуда, скажите на милость, у него вообще появилась мысль, что у вас есть какие-то тайные сбережения?

Мистер Ридер печально улыбнулся.

– Разум преступника – удивительная вещь, – вздохнув, сказал он. – Он полон ложных представлений и сказок. К счастью, я понимаю этот разум. Как я уже много раз говорил...

3. Труппа

В конторе государственного прокурора всегда царили спокойствие и умиротворенность, что как нельзя лучше соответствовало вкусам и наклонностям мистера Дж. Г. Ридера. Дело в том, что работать он любил в таком месте, где слышно тиканье часов, и каждый поворот страницы является небольшим событием.

В то утро он был занят тем, что задумчиво перелистывал машинописный каталог известного агентства по продаже недвижимости, принадлежавшего господам Уиллоби. Каталог попал ему в руки совсем недавно, посыльный всего каких-то несколько минут назад убрал свой портфель с его письменного стола.

Мистер Ридер разгладил листок и еще раз перечитал соблазнительное описание одного не очень большого домовладения, хотя интерес его был напрасной тратой времени, поскольку напротив этого пункта на полях страницы красными чернилами было написано «Сдано», что означало: данная единица уже арендована. Надпись слегка смазалась, и слово «сдано» явно написано совсем недавно, скорее всего, тем же утром.

– Хм... – произнес мистер Ридер.

Любопытство его объяснялось многими причинами. В середине июля дома, стоящие у реки, пользуются самым большим спросом, но в начале ноября они превращаются в настоящую обузу для агентов. К тому же гости с другой стороны Атлантики вообще, как правило, редко снимают коттеджи на берегу, где особенно сильно ощущаются туман, дождь и прочие неудобства.

Две гостиные, две спальни, ванна, большой сухой погреб, лужайка, спускающаяся к реке, две лодки: одна вёсельная, другая управляемая шестом. Газ и электрическое освещение. Три гиней в неделю или две гиней при условии аренды на полгода.

Он придвинул к себе настольный телефонный аппарат и назвал номер агента.

– Сдано?... Какая жалость! Джентльмену из Америки? А когда освободится?

Новый жилец снял дом на месяц. Это вызвало у мистера Ридера еще большее любопытство, хотя нужно отметить, что его интерес к «джентльмену из Америки» был меньшим, чем интерес «джентльмена из Америки» к нему.

Когда великий Арт Ломер приехал по делам из Канады в Лондон, один из его друзей и почитателей повез его осматривать достопримечательности города.

– Обычно он выходит в обед, – сказал друг, отзывавшийся на прозвище Стреляный, потому что фамилия его была Вулф.

Мистер Ломер окинул пренебрежительным взглядом Уайтхолл, он побывал в стольких городах по всему миру, что теперь ни один не казался ему лучше остальных.

– Вот он! – почему-то шепотом произнес Стреляный, хотя не было никакой необходимости таиться.

Из узкой двери одного из серых зданий вышел мужчина средних лет. На голове у него красовалась шляпа с высокой плоской тульей, худое тело его было затянуто в черный сюртук. На носу сухонького господина с седоватыми песочными бакенбардами ближе к кончику, чем к основанию, сидело пенсне.

– Это он? – удивился Арт.

– Он, – значительно произнес его спутник.

– И что, вот этого парня вы все так боитесь? Вы, видно, с ума тут сошли. Какой-то заморыш, а вы... Эх, вот у нас в Торонто...

Арт гордился своим родным городом и в безудержном порыве патриотизма готов был даже помянуть добрым словом Королевскую канадскую полицию, к которой и у себя дома питал сильнейшее презрение.

Арт обычно руководил «операциями» (других, более простых слов для обозначения своей деятельности он не признавал), не выезжая из Торонто, города, который, благодаря своей близости к Буффало и американской границе, давал ему определенные преимущества. Однажды он пробовал провести «операцию» в самой Канаде, но, поскольку в те времена промышлял он тем видом грабежа, который обязательно включал в себя насилие, ему пришлось предстать перед канадским магистратом, а в Канаде магистраты наделены исключительной властью. Арта приговорили к пяти годам тюрьмы и, что страшнее всего, к двадцати пяти ударам плетью-девятихвосткой, каждый из девяти хвостов которой жжет, как раскаленный. Поэтому он завязал с насилием и полностью посвятил себя составлению собственной «труппы», и со временем о труппе Арта Ломера знали уже от Атлантического до Тихого океана.

Когда-то обычного лондонского паренька Артура Ломера, спасая от пагубного влияния городских улиц и опасности превратиться в закоренелого преступника, отправили в Канаду. Очевидно, руководство благотворительной организации пребывало под впечатлением, что в Канаде ощущается нехватка несовершеннолетних преступников. Будучи от природы человеком талантливым, наделенным задатками лидера и способностью притягивать к себе «легкие» деньги, в скором времени он приобрел бунгало на островах, квартиру на Черч-стрит, шестицилиндровый автомобиль и новоанглийский акцент, который приняли бы за образцовый везде, кроме самой Новой Англии⁹.

– Я всем расскажу, что вы тут, ребята, превратились в сонных мух. Так это и есть ваш страшный Ридер? Да если бы в Канаде и Штатах было побольше таких овец, я бы в месяц зарабатывал больше долларов, чем Чаплин в Голливуде за десять лет. Уж можете мне поверить! Послушайте-ка, этот парень часы уважает?

Его проводник несколько удивился.

– Э-э-э... Носит ли он часы? Конечно, носит.

Мистер Арт Ломер кивнул.

– Смотрите... Я принесу их вам через пять минут... Сейчас вы увидите кое-что интересное.

Это был глупейший поступок, который Арт Ломер когда-либо проделывал в жизни, поскольку в Лондон он приехал по делам и теперь рисковал миллионом долларов ради того, чтобы поразить дешевым трюком человека, мнение которого для него не стоило и цента.

Мистер Ридер нервно переминался с ноги на ногу, стоя у дороги и дожидаясь, пока остановится, как он это называл, «движение автотранспорта», когда на него налетел странный человек.

– Прошу прощения, сэр, – произнес незнакомец.

– Ничего страшного, – пробормотал мистер Ридер. – Часы у меня спешат на пять минут... Если вам нужно узнать точное время, лучше взгляните на Биг-Бен.

Остолбенеv, мистер Ломер почувствовал, как в его глубокий карман влезла рука, и, опустив глаза, увидел, как часы переключались обратно в карман Дж. Г. Ридера.

– Надолго к нам? – радушно поинтересовался мистер Ридер.

⁹ Новая Англия – исторически сложившийся регион в северо-восточной части США.

– А?.. Да.

– Сейчас хорошее время года, – мистер Ридер снял пенсне и медленно вытер стекла об рукав, после чего вернул его, правда, несколько кособоко, на место. – Но в нашей стране, конечно же, осенью не так красиво, как в Канаде. Как поживает Леони?

Нет, Арт Ломер не упал в обморок, он всего лишь немного покачнулся и часто заморгал, как будто силясь проснуться. Леони был владельцем одного ресторанчика в Буффало, где планировалось большинство «операций», приносивших баснословные барыши Арту и его друзьям.

– Леони? Простите, мистер...

– А труппа?.. Гастролирует в Англии или же... э-э-э... отдыхает? Кажется, так это называется.

Арт вперился ошалелым взглядом в мистера Ридера. Лицо сыщика выражало внимание и глубочайший интерес. У него был такой вид, будто благоденствие «труппы» заботило его больше всего на свете.

– Кхм... – Арт прочистил горло. – Послушайте... – начал он.

Но прежде чем он успел собраться с мыслями, Ридер вышел на проезжую часть и, беспокойно осматриваясь по сторонам, направился на противоположную сторону, крепко сжимая в руке зонтик.

– Наверное, я сошел с ума, – пробормотал мистер Ломер и медленно поплелся к тому месту, где оставил своего обеспокоенного гида.

– Не вышло... Он ушел, прежде чем я успел притронуться к нему. – Арт не стал вдаваться в подробности, не желая выставить себя посмешищем. – Ладно, пойдем перекусим куда-нибудь. Сейчас уже почти двена...

Он машинальным движением опустил руку в карман, где всегда носил свои часы, но их там не оказалось! Как и дорогой платиновой цепочки. Мистер Ридер умел пошутить.

– Арт Ломер... У нас что-то есть на него? – поинтересовался директор государственного обвинения¹⁰, в подчинении которому пребывал мистер Дж. Г. Ридер.

– Нет, сэр, у нас на него не жаловались. Ко мне... э-э-э... случайно попали его часы (я нашел их), которые, по моим личным данным, были украдены в Кливленде в 1921. Об этом сказано в полицейских записях за тот день. Только... кхм... мне кажется необычным, что этот джентльмен оказался в Лондоне под конец туристического сезона.

Директор в сомнении вытянул губы.

– М-м-м... Сообщите полиции в Ярд. Он не по нашей части. А вообще, чем он занимается?

– Содержит труппу... Кажется, так они себя называют. Мистер Ломер как-то занимал в одной театральной компании... скромную должность.

– Он что, актер? – удивился прокурор.

– Да... сэр. Вернее, больше режиссер, чем актер. Я слышал об этой «труппе», хотя не имел удовольствия встречаться с ними раньше. Талантливая компания.

Он тяжело вздохнул и покачал головой.

– Что-то я не совсем понимаю вас насчет этой труппы, – нахмурился директор. – Как эти часы к вам попали, Ридер?

Мистер Ридер кивнул.

– Это была маленькая шутка с моей стороны, – негромко произнес он. – Небольшой розыгрыш.

Директор знал мистера Ридера слишком хорошо, чтобы продолжать расспросы.

¹⁰ Официальное название должности главного прокурора в Англии.

Ломер остановился в гостинице «Калфорт» в Блумзбери¹¹. Он занял один из лучших номеров, поскольку, почитая себя ловцом крупной рыбы, не мог позволить себе экономить на наживке. И крупная рыба клюнула намного раньше, чем Арт Ломер мог надеяться. Звали рыбу Берти Клод Штаффен, и аналогия с рыбой была очень даже уместной, поскольку в этом молодом человеке что-то очень напоминало рыбу. Может быть, большие холодные глаза, может быть, вечно открытый рот. Отец Берти был очень богат, намного богаче тех богачей, о которых мечтают актрисы. Он производил гончарные изделия, попутно скупая бумагопрядильные фабрики. Он зарабатывал так много, что никогда не заказывал такси, если мог добраться до нужного места на автобусе, и никогда не ездил на автобусе, если мог дойти куда-то пешком. Это помогло ему сохранить печень (о которой он постоянно упоминал в разговорах), но ускорило старение сердца.

Берти Клод унаследовал все отрицательные черты своего батюшки и ту часть его состояния, которая не была завещана преданным слугам, сиротским приютам и различным благотворительным обществам; другими словами, Берти Клод унаследовал почти каждый пенни. У него был округлый подбородок и покатый лоб человека со слабо развитым интеллектом, но он знал, что в шиллинге двенадцать пенсов и что сто центов равняются одному доллару, а это больше, чем обычно знают единственные сыновья миллионеров.

Однако обладал он и еще одним качеством, о чем мало кто догадывался: он был мечтателем. Когда мистер Штаффен не боролся с налоговым ведомством, стараясь уменьшить непомерные отчисления, и не пытался увеличить выпуск продукции, он любил расслабиться, посидеть с сигаретой в зубах и, полузакрыв глаза, представить себя в разных героических и романтических ситуациях. Так он представлял себе, как найдет какую-нибудь мрачную пещеру с пыльными сундуками, доверху набитыми сокровищами, или воображал себя в казино «Девилль», обложенным горами фишек, выигранных у греческих и армянских богатеев... Впрочем, национальность богатеев для него не имела значения. Большая часть его фантазий была о деньгах в количестве, достаточном для того, чтобы вернуть то, что ушло на налог на наследство, который из него выжали бессовестные налоговые инспектора после того, как к нему перешло отцовское имущество. Он богатый человек, но должен стать еще богаче – таково было его твердое убеждение.

Когда Берти Клод прибыл в гостиницу «Калфорт» и его провели в личную гостиную Арта, от сладостного ощущения романтики у него закружилась голова, ибо большой стол посередине комнаты был весь завален образцами кварца всевозможных цветов. Все они были добыты в недавно найденном несуществующем братом Арта месторождении, расположение которого знали только два человека во всем мире, одним из которых был сам Арт Ломер, а вторым с недавних пор – Берти Клод Штаффен.

Мистер Штаффен снял легкое пальто и, подойдя к столу, внимательно осмотрел образцы руды.

– Я провел химический анализ, – сказал он. – Парень, который занимался этим, мой друг, он за работу не взял с меня ни пенни. Он дает многообещающие прогнозы... Очень многообещающие!

– Компания... – начал Арт, но мистер Штаффен предупреждающе поднял палец.

– Я полагаю, вы знаете, и мне нет необходимости напоминать вам, что я не собираюсь спекулировать на этом месторождении. Я не вкладываю в дело своих денег. Моя задача – использовать свое влияние для продвижения дела на условиях *quid pro quo*. Вам известно, что это означает?

¹¹ Район в центральной части Лондона.

– Когда из ничего получаешь что-то! – сказал Арт, и в данном случае замечание это было не так уж далеко от истины.

– Не совсем... Я подразумеваю долю в акциях. Возможно, в будущем я соглашусь занять директорский пост, когда затея начнет приносить деньги и работа предприятия наладится. Я не могу связывать свое имя с... так сказать, неизвестной величиной.

Арт согласился.

– Один мой приятель предоставляет деньги, – легкомысленно заявил он. – Если б этому парню еще долларов сто, он был бы самым богатым человеком в мире. Я думаю, само собой разумеется, мистер Штаффен, что я бы не приехал сюда с тем, чтобы зарабатывать деньги с джентльменом, которого почти не знаю. Мы встречались в Канаде... Да, точно. Встречались! Но что вам известно обо мне? Я же могу оказаться и аферистом, верно? Мошенником, да кем угодно!

Подобная идея приходила в голову Берти Клоду, но откровенность друга до некоторой степени развеяла его подозрения.

– Я после нашей встречи часто думал, что вы должны были подумать обо мне, когда увидели меня за одним игровым столом с теми бандитами, – продолжал Арт, задумчиво затягиваясь сигарой. – Вероятно, вы сказали себе: «Этот парень знает жизнь... И жизнь эта сводит его с разными людьми». И это правда. В Канаде в шахтерских поселках приходится жить бок о бок с действительно сильными людьми... Да, это уж точно. Суровые там нравы...

– Я прекрасно все понимаю, – сказал Берти Клод, хотя на самом деле ничего не понял. – Я льщу себя надеждой, что разбираюсь в людях. Если я не показал этого в своей «*Ното Сум*»¹², значит, я неправильно подобрал выражение.

– Разумеется, – лениво произнес мистер Ломер и добавил еще одно «разумеется», очевидно, для доходчивости. – Очень даже неплохая книга! Когда вы дали ее мне в гостинице «Король Эдвард», я решил, будто это что-то про арифметику, а оказалось, поэзия. И замечательная! Все строчки с большой буквы, последнее слово в каждой строчке звучит похоже на последнее слово в предыдущей. Я сказал своему секретарю: «Да этот мистер Штаффен, сразу видать, парень с головой!» Я диву даюсь, откуда вы это все берете? А то, которое насчет принцессы, появляющейся из раковины...

– Из перламутровой раковины... Это воплощенный образ жемчуга, – поспешил объяснить Берти. – Вы ведь имеете в виду «Белую деву»?

Ломер равнодушно кивнул.

– Я был поражен. Прочитал и понял: вот это настоящая поэзия! Даже чуть слезу не пустил, как дурак последний! Если б мне такой талант, я бы не стал по всему Онтарио носиться с геологоразведкой. Это уж точно!

– Это дар от Бога, – немного подумав, произнес мистер Штаффен. – Так вы говорите, что раздобыли деньги на организацию компании?

– Все до цента. Правда, все акции уже на руках, но вам не нужно об этом беспокоиться. Я отложил парочку для вас. Нет, сэр, я не позволю вам заплатить ни цента.

Он сбил пепел с сигары и нахмурился.

– Вы такой славный парень, мистер Штаффен, – медленно произнес он, – и так хорошо отнеслись ко мне, что я, хоть ни с кем не обсуждаю свои дела, вам скажу честно. И не говорил бы, да взяли вы меня за душу, чувствую я, что вам можно довериться. Это месторождение – пустышка.

Брови Берти Клода поползли вверх.

– Не совсем понимаю, – сказал он.

Арт нешироко и немного грустно улыбнулся.

¹² Я человек (*лат.*).

– Вам не приходило в голову, что, если бы у меня был капитал на эту собственность, с моей стороны было бы глупо приезжать в Европу?

Берти, разумеется, захотел знать почему.

– Продавать это месторождение – все равно что продавать золотые слитки. Тут и делать ничего не надо. Я мог продавать его, живя в лесу Амаганни. Это уж точно! Но нет, сэр, я здесь по другому делу, и когда вы узнаете, по какому, волосы у вас встанут дыбом, это я вам обещаю.

Он вскочил и принялся нервно шагать по комнате, задумчиво хмуря брови.

– Вот вы – гениальный поэт! – неожиданно воскликнул он. – Воображение у вас наверняка получше, чем у многих. Вот скажите, как по-вашему, что это месторождение значит для меня? Еще несколько тысяч долларов, – он равнодушно пожал плечами и вдруг без всякого перехода спросил: – Что вы делаете в среду?

Неожиданный вопрос застал Берти Клода врасплох.

– В среду? Ну, не знаю. Ничего...

Мистер Ломер в сомнении покусал губу.

– У меня небольшой дом на реке. Приезжайте ко мне на ночь, и я посвящу вас в тайну, да такую, что газетчики отдали бы миллион, лишь бы что-нибудь о ней пронюхать. Если бы вы об этом в книге прочитали, вы бы не поверили, что такое возможно. Вдруг когда-нибудь вы и сами об этом напишете. Тут дело такое, что по плечу только человеку с воображением, такому, как вы. Но я сейчас вам все объясню.

И все еще сомневаясь в правильности своего решения, мистер Ломер рассказал свою историю:

– В политике я ничего не смыслю. Но мы-то с вами знаем, в России произошла революция, и там сейчас интересные дела творятся. Не такой уж я болван, чтобы не понимать этого. Мои интересы в России были примерно того же порядка, что и ваши в Саскачеване, в Пайктауне. Но где-то полгода назад я познакомился с двумя русскими. Они бежали из Соединенных Штатов. Еле оторвались от шерифского отряда, а я как раз случайно оказался на ферме рядом с границей, когда они выскочили. И чем, как вы думаете, они занимались?

Мистер Штаффен покачал головой.

– Сбывали изумруды, – важно произнес канадец.

– Изумруды? Сбывали? Что вы имеете в виду? Пытались торговать изумрудами?

Арт кивнул.

– Это точно. У одного из них был целый бумажный пакет каких хочешь размеров. Я купил все, что у них было, за двенадцать тысяч долларов, отвез их в Торонто и там продал почти за миллион.

Берти Клод слушал его, раскрыв рот от удивления.

– Эти парни приехали из Москвы и сбывали ювелирные изделия четыре года. Один из них оказался разорившимся князем и приторговывал украшениями других аристократов... Но я лишних вопросов ему не задавал, потому как не любопытный я человек. Не люблю совать нос в чужие дела.

Он подался вперед и похлопал Берти Клода по колену, чтобы придать большую важность своим словам.

– У них такого добра еще раз в двадцать больше того, что я купил. Я отослал их обратно в Россию за остальным, и они приезжают сюда на следующей неделе.

– Двадцать миллионов долларов, – не веря своим ушам, пробормотал Берти. – А сколько это будет стоить вам?

– Один миллион долларов... Это двести тысяч фунтов. Приезжайте ко мне в Марлоу, я покажу вам такие изумруды, каких вы еще в жизни не видели... Вернее, то, что у меня осталось. Я большую часть одному миллионеру в Питтсбурге за... Но я не скажу вам цену,

а то вы решите, что я попросту ограбил его. Если вам какой-нибудь из моих камней понравится, я, конечно же... продам его вам, хотя вообще-то и не собирался расставаться с ними. Разумеется, с друга я лишнего не возьму, об этом не может быть и речи.

Берти Клод изумленно слушал, как его хозяин деловито перечислял принадлежащие ему сокровища. Когда мистер Штаффен вышел из номера своего друга, голова у него шла кругом, поскольку то, что начало происходить, до боли напомнило ему то, о чем он так часто мечтал.

Шагая по вестибюлю, он увидел средних лет мужчину в фетровой шляпе с плоской тульей. Правда, помимо того что на мужчине этом был дешевый галстук, ботинки с квадратными носками и он сильно смахивал на судебного пристава, мистер Штаффен не заметил в нем ничего примечательного и прошел бы мимо, но старомодный господин перегородил ему путь.

– Прошу прощения, сэра. Вы ведь мистер Штаффен, не так ли?

– Да, – коротко ответил Берти.

– Вы не уделите мне несколько секунд? У меня есть к вам разговор, относительно одного... гм... одного вопроса.

Берти нетерпеливо махнул рукой.

– У меня нет времени на разговоры, – бесцеремонно бросил он. – Хотите со мной поговорить, запишитесь на прием.

И он вышел, а грустного вида мужчина проводил его задумчивым взглядом.

Небольшой дом мистера Ломера представлял собой каменное бунгало, стоявшее чуть в стороне от остальных зданий между местечком Марлоу и парком Куорри-вуд, и надо сказать, что, как мистер Ломер ни старайся, он не нашел бы для своих целей места более подходящего. Берти Клод, который, слыша слово «река», всегда представлял себе солнце и отдых, выйдя на станции и бросив взгляд на серое небо, зябко передернул плечами. Моросил дождь, и вода, казалось, стекала с каждого уголка ожидающего его станционного кеба.

– Что за идея снимать дом у реки в такой месяц... – пробормотал он.

Мистер Ломер, который плохо себе представлял, какой месяц лучше всего подходит для снятия домов у реки, согласился.

– Но меня он устраивает, – добавил он. – В этом доме я чувствую одиночество, а я, знаете ли, ненавижу, когда на меня смотрит кто ни попадя.

Дорога от станции до дома шла параллельно с руслом реки. Выглядывая из заливаемых водой окон, мистер Штаффен видел лишь стальную ленту реки да мокрую траву на раскисших лугах, через которые проходил их путь. Но уже через пятнадцать минут езды они оказались у маленького симпатичного коттеджа, стоявшего посреди роскошного сада. В камине передней полыхал яркий огонь, и вообще все это место дышало уютом и теплом, что до определенной степени оживило упавшее было настроение Берти. Еще пара секунд – и они уже сидели в столовой с наполовину деревянными, наполовину кирпичными стенами, где на столе их ждал чай.

Окружающая обстановка оказывает незаметное воздействие на большинство людей, и Берти не стал исключением. Его в равной степени изумили укромное расположение дома и неожиданно высокий уровень обслуживания, поскольку в доме он уже успел увидеть опрятную симпатичную горничную, степенного средних лет дворецкого и молодого человека с грустным лицом в лакейской ливрее, который снял с него макинтош и насухо вытер его ботинки еще до того, как Берти успел войти в столовую.

– Нет, дом не принадлежит мне, но я всегда останавливаюсь здесь, когда бываю в Англии, – сказал мистер Ломер, который никогда не опускался до лжи в мелочах, поскольку ложь в мелочах проще всего распознать. – Дженкинс, дворецкий, – мой слуга, лакей тоже, но остальных слуг я просто снял вместе с домом.

После чая он провел Берти в свою спальню и там достал из ящика комода с зеркалом небольшой стальной коробок, закрытый на два замка. Мистер Ломер открыл замки и вынул из коробки неглубокий металлический лоток, на котором лежал свернутый пополам лист ваты.

– Можете взять любой, который вам приглянулся, – сказал он. – Покажите камень, и я скажу, сколько он стоит.

Он развернул ватный лист и выставил на обозрение шесть изумительных камней.

– Этот? – сказал мистер Ломер и взял двумя пальцами самый большой из них. – О, этот стоит шесть тысяч долларов... то есть примерно тысячу двести фунтов. Но если вы предложите мне за него эту сумму, умным я вас не назову, потому что единственный безопасный способ покупать изумруды – покупать их на пятьдесят процентов ниже стоимости. Если я не ошибаюсь, этот стоил мне... – он подсчитал в уме. – Девяносто фунтов.

Глаза Берти загорелись. В изумрудах он разбирался прекрасно, и у него не было сомнений, что перед ним настоящие камни.

– Но вы ведь не захотите продать его за девяносто фунтов? – с беззаботным видом поинтересовался он.

Арт Ломер покачал головой.

– Нет, сэр. Мне же нужно получать хоть какой-нибудь доход, пусть даже и с друзей. Но вам так и быть, уступлю за сотню.

Рука Берти тут же потянулась к внутреннему карману.

– Нет-нет, сейчас платить не нужно. И к слову, вы вообще-то разбираетесь в изумрудах? А что если это добротная фальшивка, а? Возьмите их с собой в город, покажите специалисту...

– Я выпишу вам чек прямо сейчас.

– Как хотите.

Арт аккуратно завернул камень, положил его в коробочку и передал компаньону.

– Это единственный камень, который я продам, – пояснил он, когда они вернулись в столовую.

Берти, не тратя ни секунды, подошел к маленькому секретеру, заполнил чек, вырвал его и передал мистеру Ломеру. Арт посмотрел на бумагу и нахмурился.

– И что же мне прикажете с этим делать? – спросил он. – Здесь у меня банковского счета нет. Все мои деньги лежат в «Ассошиэйтед экспресс компани».

– Я подпишу «с уплатой предъявителю», – услужливо предложил Берти.

Однако мистер Ломер все еще сомневался.

– Добавьте еще записочку президенту банка или как он у них там называется, чтоб он бумажку эту вашу принял и выдал за нее наличные. Ненавижу банки!

Предупредительный Берти Клод нацарапал необходимое дополнение на чеке. Когда с этим покончили, Берти приступил к делу, поскольку был деловым человеком.

– Я могу вступить в долю в этой сделке с драгоценностями?

Арт Ломер с недовольной миной покачал головой.

– Прошу меня простить, мистер Штаффен, но это почти невозможно. Я буду с вами откровенен, потому что все еще верю в честность. Когда вы просите меня о подобной сделке, вы попросту просите меня дать вам денег!

Берти издал легкий протестующий звук, но не успел ничего сказать, поскольку канадец прервал его нетерпеливым жестом и продолжил:

– Да-да, я выразился несколько грубовато, но от этого ничего не меняется. Я взял на себя весь риск, я организовал операцию... К тому же парня этого из России вывезти тоже недешевое дело: аэропланы, специальные поезда и так далее. Поймите, мне совсем не хочется отказывать вам, мистер Штаффен, уж очень вы понравились мне, но дело есть

дело!.. Эх, так и быть, если вам понравился еще какой-то камушек, уступлю его вам по сходной цене.

Берти на миг задумался.

– Сколько вы потратили на эту сделку до сегодняшнего дня?

Мистер Ломер снова покачал головой.

– Не в том дело, сколько я потратил... Да предложите вы мне хоть вчетверо больше того, что я потратил (а это, поверьте, очень внушительная сумма), я бы и то не передал вам дело. Я готов даже предложить вам небольшую долю, но денег я за это с вас не возьму.

– Поговорим об этом позже, – сказал Берти, который никогда не терял надежды.

Дождь уже прекратился, а заходящее солнце залило реку бледным золотом. Берти шел через сад со своим хозяином, когда откуда-то сверху послышался едва заметный гул мотора самолета. Через какое-то время он рассмотрел и саму машину, которая кружила над Куорри-вудом, то скрываясь, то показываясь в черных кронах деревьев. Услышав восклицание спутника, он повернулся и увидел, что Арт недоволен и с сомнением поморщился.

– Что случилось? – спросил он.

– Нет, ничего, просто думаю... – медленно произнес Арт. – Мне сказали... на следующей неделе... Ах нет, все-таки это я ошибся!

Стемнело. Дворецкий уже зажег свет и задернул занавески, когда они снова вошли в дом, и Берти прекрасно видел, что случилось нечто такое, что сильно взволновало его хозяина. Он сделался молчалив и следующие полчаса почти не проронил ни слова, просто сидел перед камином, вперив взгляд в прыгающие языки пламени и вздрагивая при каждом звуке.

Обед, достаточно простой, подали рано, и пока слуги убрали со стола, двое мужчин направились в крошечную гостиную.

– Что вас тревожит, Ломер?

– Ничего, – вздрогнув, ответил тот. – Только...

В этот миг раздался звонок в дверь, и Арт напряженно прислушался. Он услышал зазвучавшие в прихожей голоса, а потом в гостиную вошел лакей.

– К вам двое мужчин и леди, сэр, – сказал он.

Берти увидел, как канадец закусил губу.

– Проведите, – резко сказал Арт, и через мгновение в комнату вошел высокий мужчина в кожаной куртке и авиационном шлеме.

– Маршем! Какого дьявола...

Появившаяся в дверях девушка отвлекла на себя его внимание. Это была стройная брюнетка. Несмотря на бледные щеки и усталое выражение глаз, она была красива. Второй мужчина, вошедший вслед за ней, отнюдь не был так приятен: приземистый, судя по виду, явно иностранец, с короткой бородкой, по самую шею закутанный в старую меховую шубу, на непокрытой голове во все стороны торчали взъерошенные волосы.

Арт плотно закрыл дверь.

– Итак, что это значит? – спросил он.

– У нас осложнения, – мрачно произнес высокий мужчина. – Князь получил другое предложение. Часть товара он выслал, но жемчуг и алмазы придержал до тех пор, пока не получит от вас обещанных денег. Это княжна Полина Димитрова, дочка князя.

Арт бросил сердитый взгляд на девушку.

– Ну вот что, барышня, – сказал он. – Надеюсь, вы по-английски понимаете?

Она кивнула.

– В нашей стране так дела не делаются. Ваш отец обещал...

– Мой отец поступил очень опрометчиво, – сказала она с едва слышимым акцентом, который Берти показался даже приятным. – Взял на себя слишком большой риск. Я даже думаю, ему ради вашей сделки пришлось пойти на прямой обман. Но вам ведь ничего не стоит заплатить сейчас. Если он получит ваши деньги сегодня...

– Сегодня?! – вскричал Арт. – Да как же я могу передать деньги сегодня?

– Он сейчас в Голландии, – сказала девушка. – Аэроплан ждет.

– Но откуда мне взять деньги сегодня?! – свирепея воскликнул Арт. – Я что, по-вашему, ношу сто тысяч фунтов с собой в кармане?

Она пожала плечами и, повернувшись к растрепанному человечку, сказала что-то на незнакомом мистеру Штаффену языке. Он что-то ответил сиплым голосом, и она кивнула.

– Петр говорит, отец примет ваш чек. Только он хочет удостовериться, что вы не... – Она замолчала, подбирая нужное английское слово.

– Я хоть раз обманывал вашего отца? – совсем вышел из себя Арт. – Я не могу дать вам ни денег, ни чека. Все! Можете отменять сделку... Я умываю руки!

Но тут летчик развернул пакет, который держал под мышкой, и положил его на стол. Берти Клод обомлел, увидев заигравшее перед его глазами разноцветное сияние. На столе лежали алмазы, в оправе и без, причудливые старинные драгоценности, которые, должно быть, когда-то хранились в фамильных сокровищницах древних родов. Впрочем, их историческая ценность ни на секунду не взволновала его. Он отвел Арта в сторону.

– Если вы сможете сегодня задержать здесь этих людей на ночь, – вполголоса произнес он, – я берусь найти сумму, которой хватит на покупку этой коллекции.

Арт покачал головой.

– Бесплезно, мистер Штаффен. Я знаю этого парня. Если я не пришлю ему деньги сегодня, остальной части нам не видать.

Неожиданно он хлопнул в ладоши.

– Идея! – тихо произнес он. – У вас же с собой чековая книжка, верно?

Холодное подозрение появилось в глазах Берти Клода.

– Конечно же, моя чековая книжка со мной, – сказал он, – но...

– Идемте в столовую, – Арт чуть ли не бегом бросился из комнаты, и когда они вошли в столовую, плотно закрыл дверь. – Чек нельзя обналичить два-три дня. Завтра его уж точно нельзя обналичить, – торопливо заговорил он. – К этому времени мы успеем привезти товар в город вашим банкирам, и пусть камни хранятся у вас, пока я не выкуплю их. Даже более того, если вы посчитаете, что они не стоят этих денег, завтра же утром вы сможете остановить выплату по чеку.

Берти обдумал предложение с десяти разных сторон, потратив на это такое же количество секунд.

– А что если я для верности выпишу чек передним числом? – предложил он.

– Передним числом? – Мистер Ломер был озадачен. – А это что еще такое? – И когда Берти объяснил, его лицо просветлело. – Ну конечно! – воскликнул он. – Это же двойная защита. Пусть чек вступит в силу послезавтра.

Берти больше не колебался. Сев у стола, он достал чековую книжку и перьевую авторучку и указал нужную дату.

– Напишите, «уплатить предъявителю», – подсказал Арт, и когда заметил на лице товарища сомнение, добавил: – Как и в предыдущем чеке.

Берти кивнул и поставил размашистую подпись.

– Подождите здесь секунду.

Арт вышел и вернулся менее чем через минуту.

– Они взяли его! – восторженно воскликнул он. – Ну, дружище, – сказал он, одобрительно хлопнув довольного молодого человека по плечу, – раз уж вы попали в это дело, хоть

я и не хотел этого, теперь уж пятьдесят на пятьдесят – я ведь не свинья! Идемте, я покажу вам такое, чего не собирался показывать ни одной живой душе.

Он вышел в коридор, открыл маленькую дверцу, ведущую на каменные ступеньки в подвал, и стал спускаться, включая по дороге свет. Внизу, открыв замок на массивной двери, он распахнул ее и посторонился.

– Смотрите! – значительным, даже торжественным тоном произнес он. – Видели когда-нибудь что-то подобное?

Берти Клод чуть подался вперед, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь в темноте за дверью.

– Ничего не... – начал он, и в ту же секунду его сзади толкнули с такой силой, что он полетел вперед, едва удержавшись на ногах.

В следующий миг дверь темного подвала захлопнулась у него за спиной. Услышав, как лязгнул в замочной скважине ключ, он что есть мочи закричал:

– Эй там, что это значит?!

– Эй там, через денек-другой поймете, – прозвучал в ответ насмешливый голос мистера Ломера.

Арт закрыл вторую дверь и легко взбежал наверх в гостиную, где его ждали лакей, дворецкий, опрятная горничная и трое посетителей.

– Готов голубчик. Останется там, пока чек не обналичим... В подвале полно еды и питья, ему на неделю хватит.

– Так ты его запер? – спросил бородатый русский.

– Запер, это было проще простого, – презрительно скривился Арт. – А теперь, мальчики и девочки, шевелитесь, да побыстрее. У меня письмо от этого парня управляющему его банка, где он просит его... – он заглянул в письмо и прочитал: – «Обналичить прилагаемый чек для моего друга мистера Артура Ломера».

Труппа одобрительно закивала.

– Аэроплан улетел, я надеюсь?

Мужчина в кожаной куртке кивнул.

– Да, я его только на пару часов нанял.

– Хорошо, вы тоже можете возвращаться. Рэй, Эл, вы езжайте в Париж, в Гавре садитесь на корабль. Слики, ты сбривай свои бакенбарды, поплывешь как честный человек из Ливерпуля. Полина и Эгги едут в Геную, встретимся четырнадцатого числа следующего месяца у Леони. Поделитесь добытое!

Через два дня мистер Арт Ломер вошел в величественную контору Северного коммерческого банка и попросил провести его к управляющему. Управляющий прочитал письмо, внимательно изучил чек и нажал кнопку звонка.

– Сумма немалая, – важно произнес мистер Ломер.

Управляющий улыбнулся.

– Мы часто обналичиваем довольно крупные чеки, – сказал он и добавил вошедшему секретарю: – Мистер Ломер желает получить эту сумму наличными по возможности в американской валюте. – Он снова повернулся к Ломеру. – Как поживает мистер Штаффен?

– О, мы с Берти были в Париже по делам моей новой компании, – сказал Арт. – Вы не поверите, до чего сложно вкладывать деньги в канадскую индустрию в этой стране, мистер Соумс, но в Париже, доложу я вам, мы заключили совсем неплохую сделку.

Он еще какое-то время непринужденно болтал о сугубо коммерческих вопросах, а потом вернулся секретарь и положил на стол объемную пачку векселей и банкнот. Мистер Ломер достал большой бумажник, аккуратно переместил в него деньги, пожал руку управляющему, вышел из его кабинета и остановился как вкопанный, ибо чуть не натолкнулся на стоящего у самой двери мистера Дж. Г. Ридера.

– Сегодня день выплаты гонорара для труппы? Или вы называете это «жалованьем»? В театральном жаргоне я не силен.

– Мистер Ридер? – запинаясь, пробормотал Арт. – Рад вас видеть, но я сейчас несколько занят...

– Вы случайно не знаете, что произошло с нашим дорогим другом мистером Берти Клодом Штаффеном? – с беспокойством в голосе спросил Ридер.

– Ну как же! Он в Париже.

– Уже! – воскликнул Ридер. – А полиция всего какой-то час назад освободила его из подвала в вашем загородном доме! Просто удивительно, до чего в наши дни развился транспорт. Сейчас ты в Марлоу, через минуту в Париже, еще через минуту, скажем, в Москве.

Арт не стал продолжать разговор. Оттолкнув сыщика, он бросился к двери. Он был до того зол, что двоим мужчинам, которые дожидались его на улице, с огромным трудом удалось надеть на него наручники.

– Да, сэр, – сказал мистер Ридер своему начальнику. – Арт всегда путешествует со своей труппой. То, что до сих пор труппа не показывалась, вызывало у меня серьезные опасения, и, разумеется, я взял дом под наблюдение, как только исчез мистер Штаффен. Конечно, это дело меня не касалось, – извиняющимся тоном добавил он, – и мне не следовало вмешиваться. Только, как я не раз объяснял, разум мой имеет одну необычную особенность...

4. Похитительница мрамора

Главной причиной, по которой мистер Ридер знал о существовании Маргарет Белмэн, было то, что жила она на Брокли-роуд, всего через несколько домов от него. Имени ее он не знал, поскольку совершенно не интересовался законопослушными гражданами, зато знал, что она симпатична, что у нее розовая кожа и белоснежные зубы (сочетание, которое очень редко встречается не на обложках журналов, а в настоящей жизни). Одевалась она со вкусом, и если что-то особенно выделяло ее в его глазах, так это то, что ходила и держалась она с той особенной грациозностью, которая доставляет удовольствие мужчинам, наделенным эстетическими наклонностями.

Бывали случаи, когда он шел следом за ней или впереди нее, а то и доезжал с ней в одном трамвае до Вестминстерского моста. Маргарет неизменно выходила на углу набережной Виктории, и так же неизменно там ее встречал некий симпатичный молодой человек, с которым они уходили вместе. Присутствие этого молодого человека для мистера Ридера почему-то было источником внутреннего спокойствия. Особого повода на то у него не было, если не считать его внутренней предрасположенности к порядку: дикой розе он предпочитал розу в букете, а при виде чашки без блюдца ощущал смутное волнение.

Ему не приходило в голову, что он и сам может вызывать интерес и любопытство у мисс Белмэн.

– Видели? Это был мистер Ридер. По-моему, он имеет какое-то отношение к полиции, – сказала она.

– Мистер Дж. Г. Ридер?

Рой Мастерс обернулся и с интересом посмотрел на средних лет мужчину, бесстрашно перебегающего дорогу. Шляпа его сбилась на затылок, а свой зонтик он держал на плече, как кавалерийскую саблю.

– Господи, никогда не думал, что он такой.

– А кто он? – поинтересовалась она, отвлекаясь от своих мыслей.

– Ридер? Он из канцелярии государственного прокурора. Что-то наподобие сыщика... На прошлой неделе как раз было одно дело, на котором он выступал свидетелем. Когда-то он занимался Английским банком...

Неожиданно мисс Белмэн остановилась, и молодой человек удивленно посмотрел на нее.

– Что случилось? – спросил он.

– Я не хочу, чтобы вы дальше шли со мной, Рой, – сказала она. – Мистер Телфер видел вчера меня с вами и остался очень недоволен.

– Телфер? – негодуяще вскричал юноша. – Этот жалкий червяк? И что же он сказал?

– Ничего особенного, – ответила она, но по ее тону он сделал вывод, что «ничего особенного» было чем-то неприятным.

– Я уйду от Телферов, – неожиданно сказала девушка. – Это хорошая работа, и мне никогда уже такую не найти... Я имею в виду оклад.

Рой Мастерс не стал скрывать свою радость.

– Но это же прекрасно! – горячо воскликнул он. – Я вообще не понимаю, как вы так долго могли выносить всю эту будничную обстановку. Так что же он сказал? – снова спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: – Все равно эти Телферы – скользкие типы. В городе о них ходят нехорошие слухи.

– А я думала, это очень богатая корпорация! – изумилась она.

Он покачал головой.

– Когда-то была богатой... пока они не стали творить всякие странные штуки... Да и что ожидать, если во главе предприятия стоит этот полоумный хлюпик Сидней Телфер? В прошлом году они связались с тремя предприятиями, от которых любая брокерская контора бежала бы как от огня. И им пришлось выкупать их акции. Вот, например, компания по розыску пропавших сокровищ, которая собиралась поднять со дна моря затонувший триста лет назад испанский галеон! Но что все-таки вчера утром случилось?

– Потом расскажу, – она торопливо попрощалась.

Мистер Сидней уже был на месте, когда она вошла в помещение, роскошью обстановки, мягким ковром и прочими приятными мелочами вполне заслуживающее той оценки, которую дал ей Рой Мастерс.

Глава «Телферс консолидейтед» редко посещал свой кабинет на Треднидл-стрит. Обстановка этого места, как он говорил, угнетала его. Все здесь было убогим, грязным, грубым. Основатель фирмы, его дед, умер за десять лет до появления на свет Сиднея и оставил предприятие сыну, хроническому инвалиду, который умер через несколько недель после рождения Сиднея. В руках попечителей предприятие процветало вопреки периодическому вмешательству в дела его матери, эксцентричной особы, чьи причуды завершились составлением завещания, снявшего с него большинство тех рамок, которыми, как правило, ограничивают свободу действий шестнадцатилетнего подростка.

Сам мистер Телфер как нельзя лучше вписывался в обстановку этого помещения с витражными стеклами в окнах и роскошным убранством, ибо одет он был безукоризненно. Глава фирмы был высок и до того худ, что даже его необычайно маленькая голова не сразу бросалась в глаза. Когда девушка вошла в комнату, он деликатно сморкался в красивый батистовый платок, и ей показалось, что выглядит он даже бледнее и отвратительнее, чем обычно.

Пока она готовилась к работе, он следил за ней безучастным взглядом, а заговорил только после того, как она подошла к столу и положила перед ним его письма.

– Мисс Белмэн, вы не хотите поговорить о том, что я вам вчера сказал?

– Мистер Телфер, – спокойно ответила она, – я не хочу обсуждать эту тему.

– Я женюсь на вас и все такое, только... Этот пункт в завещании матери, – несколько бессвязно произнес он. – Но его можно и обойти... со временем.

Она взялась за край стола обеими руками.

– Я не выйду за вас, мистер Телфер, даже если бы в завещании вашей матери не было никаких пунктов. Ваше предложение бежать с вами в Америку...

– Южную Америку, – с серьезным видом поправил он ее. – Не в Соединенные Штаты. Штаты я вам не предлагал.

Она чуть не улыбнулась, потому что на самом деле была не так уж сердита на этого пустоватого молодого человека, хотя после подобного предложения имела на то полное право.

– Дело в том... – с тревогой в голосе продолжил он. – Вы никому не расскажете? Я всю ночь ужасно волновался. Я попросил вас прислать мне записку с ответом на мое предложение... Не нужно!

На этот раз Маргарет все-таки улыбнулась, но прежде чем она успела ответить, он снова заговорил высоким дрожащим голосом, срываясь на фальцет:

– Вы просто изумительная девушка, и я без ума от вас, но... В моей жизни случилась трагедия... Правда! Просто ужасная трагедия. И сейчас такая неразбериха. Будь у меня голова на плечах, мне бы стоило пригласить какого-нибудь человека, который разобрался бы тут во всем. Так было бы правильнее, я только сейчас начинаю это понимать.

Уже второй раз за последние сутки этот молодой человек, который до сих пор почти не замечал Маргарет и лишь изредка снисходил до разговора с ней, изливал на нее потоки душевных признаний, и в одном из этих случаев с напором безумца он предложил ей план, который поразил и озадачил ее.

Резко прекратив разговор, Телфер вытер увлажнившиеся глаза и произнес своим обычным голосом:

– Свяжитесь с Биллингемом по телефону. Передайте, я хочу его видеть.

Когда ее пальцы забегали по клавишам печатной машины, она задумалась, насколько его волнение и разговорчивость были обусловлены «плохими делами» «Телферс консолидейтед», о которых уже пошел слух среди ее коллег.

Пришел мистер Биллингем, собранный невысокий человек, лысый и молчаливый, и, не сказав ни слова, направился в кабинет начальника. В его внешнем виде или поведении не было и намека на то, что он задумал серьезное преступление. Это был плотный, если не сказать дородный мужчина. Помимо привычно сдвинутых бровей, отличительной особенностью его круглого лица, с годами обрюзгшего и утратившего первоначальную форму, было словно прилипшее выражение благожелательности.

В тот же день, несколько позже, мистер Стивен Биллингем, директор-распорядитель треста «Телферс консолидейтед», вошел в контору Лондонско-центрального банка с чеком на предъявителя на 150 тысяч фунтов. Когда чек был оплачен, он поехал в отделение банка Креди Лилль. О своем прибытии он предупредил по телефону заранее, поэтому там его уже дожидались семнадцать бумажных пакетов, в каждом из которых находился миллион франков, и еще один пакет поменьше со 146 тысячами. При курсе 74, 55 франка за 1 фунт, в обмен на чек 80 тысяч фунтов, выписанный на счет в Креди Лилль, и 150 тысяч фунтов наличными, полученными в Лондонско-центральном банке, мистер Биллингем получил все восемнадцать пакетов.

О передвижениях Биллингема после этого мало что известно. Один его знакомый видел его едущим в такси по Чипсайду, но после Чаринг-Кросса следы обрывались. Его не видели ни на аэродромах, ни в портах, и полиция пришла к выводу, что, скорее всего, он сел на вечерний экскурсионный поезд, направлявшийся в Париж через Гавр.

– Это величайшее ограбление за последние годы, – сказал заместитель директора государственного обвинения. – Было бы хорошо, если бы вы смогли как-то незаметно подключиться к расследованию. Не переходите дорогу полиции, они – вполне дружелюбные люди, если дело касается убийств, но немного раздражительны, когда речь заходит о деньгах. Повидайтесь с Сиднеем Телфером.

К счастью, мистер Ридер знал, где искать Сиднея. Зайдя в банк, он увидел знакомое лицо.

– Прошу прощения, барышня, по-моему, я вас знаю, – сказал он улыбочивой девушке, которая открыла ему маленькие деревянные воротца конторы.

– Вы мистер Ридер... Мы живем на одной улице, – произнесла она и тут же добавила: – Вы пришли насчет мистера Биллингема?

– Да, – подтвердил он вполголоса, так, словно говорил об умершем друге. – Я хотел повидаться с мистером Телфером, но, может быть, вы мне что-нибудь расскажете?

Единственное, что она могла сообщить, это то, что Сидней Телфер находится в банке с семи утра и сейчас в таком состоянии, что ей пришлось послать за врачом.

– Боюсь, он не сможет вас принять, – сказала она.

– Ничего, я беру на себя всю ответственность, – успокоил ее мистер Ридер. – Скажите, а мистер Телфер – ваш... э-э-э... друг? Мисс...

– Белмэн. – Он заметил, что ее щеки на миг вспыхнули, но что это означало, было пока непонятно. – Нет, я просто работаю на него, вот и все.

Интонация, с которой были произнесены эти слова, дала понять Ридеру все, что он хотел знать. Мистер Дж. Г. Ридер был настоящим экспертом по вопросам отношений между сослуживцами.

– Наверное, у вас с ним не совсем ладилось? – негромко спросил он, чем вызвал у девушки некоторое подозрение. Как много было ему известно, и какое отношение могло иметь безумное предложение мистера Телфера к нынешней катастрофе? Происходящее было для нее настоящей загадкой, но она почувствовала, что именно сейчас можно говорить откровенно.

– Предложил бежать? Боже мой! – мистер Ридер был ошарашен. – А он женат?

– Нет-нет... Он не женат, – коротко ответила девушка. – Несчастный. Мне его даже жалко. Боюсь, что такая потеря для него – огромный удар... Кто мог подумать, что мистер Биллингем окажется...

– Кто в самом деле? – Ридер скорбно вздохнул, снял пенсне и принялся протирать его. Мисс Белмэн даже на секунду показалось, что у него на глаза навернулись слезы. – Что ж, я войду. Эта дверь?

Сидней резко поднял голову и посмотрел на непрошеного гостя. До этого он почти час просидел, обхватив голову руками.

– В чем дело?... Что вам нужно? – бессильно пробормотал он. – Я не хочу ни с кем разговаривать... Канцелярия государственного прокурора? – удивился он. – Что толку обвинять его, если денег все равно не вернуть...

Мистер Ридер подождал, пока Сидней немного успокоится, после чего начал задавать вопросы по существу.

– Да я почти ничего не знаю, – убитым голосом произнес молодой человек, скорбно сложив брови. – Я всего лишь номинальный глава. Биллингем приносил мне чеки на подпись, и я подписывал их. Я никогда не указывал ему, что делать, он сам принимал все решения. Я ничего не знаю. Он говорил... действительно говорил, что дела у нас идут плохо... Что от нас требуют полмиллиона или около того к следующей неделе... О Боже!.. А потом он сбежал со всей нашей наличностью.

Сидней Телфер, как ребенок, уткнулся лицом в локоть и всхлипнул. Мистер Ридер деликатно помолчал и с самым мягким выражением, на какое был способен, задал следующий вопрос.

– Нет, меня тут не было, – ответил юноша. – Я на выходные уезжал в Брайтон. Полиция вытасила меня из постели в четыре утра... Мы разорены. Теперь мне придется продать автомобиль, уйти из клуба... Все банкроты уходят из своих клубов...

Добиться еще каких-нибудь сведений от убитого горем юноши оказалось решительно невозможно, и мистер Ридер вынужден был вернуться к своему начальнику с докладом, который не добавил почти ничего нового к тому, что и так было известно. Если вначале о преступлении мистера Биллингема в прессе упомянули лишь парой строк, то через неделю о нем трубили почти все газеты, и причиной тому было его бесследное исчезновение.

В богатом словаре мистера Дж. Г. Ридера не было слова «выходной». Даже для канцелярии государственного прокурора, бывает, наступают времена, когда младшие сотрудники и помощники руководителей сидят без работы, и даже сам директор может позволить себе отправиться в отпуск, оставив вверенное ему ведомство на попечение кого-нибудь из подчиненных. Но мистеру Дж. Г. Ридеру сама мысль о бесцельной трате времени была невыносима, поэтому он завел привычку скрашивать периоды вынужденного безделья посещением судов. Там он усаживался где-нибудь между скамьей подсудимых и рядами для прессы и с упоением прислушивался к делам, способным ввергнуть в глубочайшую тоску даже судебного протоколиста.

Джон Смит, задержанный за нахождение в пьяном виде в общественном месте и использование нецензурной брани в адрес полицейского офицера Томаса Брауна; Мэри Джейн Хэггитт, обвиняемая в препятствовании исполнению служебного долга полиции; Генри Робинсон, привлеченный к суду как подозрительная личность – имел при себе воровские инструменты: слесарное зубило и отвертку; Артур Мозес, обвиненный в езде на автомобиле на слишком большой скорости и создании опасной ситуации на дороге, – все они были захватывающе интересными, романтическими, даже сказочными персонажами для сухощавого мужчины, который сидел в зале суда с изумленным выражением на печальном лице, положив рядом с собой шляпу с плоской тульей и держась за поставленный между колен зонтик.

Одним сырым и туманным утром мистер Ридер, решив на время отвлечься от дел, для отдыха выбрал Марилебонский полицейский суд. С большим вниманием он выслушал дела о ссоре двух пьяных, о краже в магазине и о растрате, когда в зал ввели миссис Джексон, а свидетельское место занял румянощекий полицейский, который, поклявшись на Библии говорить правду и ничего кроме правды, поведал удивительную историю.

– Констебль Ферримен, номер 9717, дивизион Л., – протокольно представился он. – Сегодня утром я дежурил на Эджвер-роуд. В половине третьего утра заметил на улице задержанную. Она несла большой саквояж. Только она меня увидела – развернулась и давай ходу в обратную сторону. Это показалось мне подозрительным, поэтому я пошел за ней, догнал и стал спрашивать, чей это чемодан она несет. Она ответила, что чемодан этот ее собственный и что она спешит на поезд. Когда я спросил, что в нем, она сказала – ее одежда. Но чемодан-то дорогой, из крокодиловой кожи, поэтому я попросил открыть его, но она ни в какую, да еще имя и адрес отказалась называть, ну я и свел ее в участок.

После него свидетельскую трибуну занял полицейский сержант.

– Когда задержанную привели в участок, я в ее присутствии открыл чемодан. В нем оказались осколки камней, в большом количестве...

– Осколки камней? – недоверчиво переспросил судья. – Вы имеете в виду небольшие куски камней?.. А какой именно камень?

– Мрамор, ваша честь. Она сказала, что хочет сделать дорожку у себя в саду и для этого взяла эти камни со двора каменщика, который делает надгробные плиты. На Юстон-роуд его мастерская. Она чистосердечно призналась, что взломала калитку к нему во двор и, не спросив разрешения у каменщика, наполнила чемодан.

Судья откинулся на спинку своего кресла и, насупив брови, внимательно прочитал обвинительный акт.

– Здесь не указан ее адрес, – сказал он.

– Она назвала адрес, но он оказался ложным, ваша честь... Она отказывается сообщать о себе что-либо еще.

Мистер Дж. Г. Ридер развернулся на своем месте и в крайнем удивлении стал рассматривать задержанную. Это была высокая и широкая в плечах особа крепкого сложения. Рука, покоившаяся на решетке вокруг скамьи подсудимых, была в два раза больше любой женской руки, которую ему когда-либо приходилось видеть. Крупные черты лица... Но, хотя в ее внешности было что-то, можно даже сказать, отталкивающее, великанша была по-своему красива. Глубоко посаженные карие глаза, большой гордый нос, четкая линия губ, двойной подбородок – ее профиль вряд ли мог показаться привлекательным ценителю женской красоты, но мистер Дж. Г. Ридер, будучи человеком справедливым, не мог не признать, что подобный лик приковывал к себе взгляд. Когда она заговорила, выяснилось, что голос у нее зычный, по-мужски густой и властный.

– Признаю, это была глупая затея, но мне это просто пришло в голову, когда я леглась спать, я поддалась внутреннему порыву. Я ведь вполне могла позволить себе купить эти камни... Когда меня арестовали, при мне было больше пятидесяти фунтов.

– Это правда? – Когда офицер ответил, судья вновь обратил подозрительный взгляд на женщину. – Отказываясь называть свое имя и адрес, вы сильно усложняете дело. Я понимаю, вам не хочется, чтобы ваши друзья и знакомые узнали об этой глупой краже, но, если вы не предоставите мне этих данных, мне придется держать вас под стражей неделю.

Женщина была одета просто, но со вкусом. На крупном пальце у нее сверкало бриллиантовое кольцо, которое мистер Ридер в уме тут же оценил примерно в две сотни фунтов. Пока он ее рассматривал, женщина в ответ на замечание судьи покачала головой.

– Я не могу назвать свой адрес, – сказала она, и судья коротко кивнул.

– Задерживается до выяснения обстоятельств, – провозгласил он и, когда женщина встала, добавил: – Мне нужно заключение тюремного доктора о ее умственном состоянии.

Мистер Дж. Г. Ридер быстро поднялся и проследовал за женщиной и сопровождавшим ее офицером через небольшую дверь, ведущую к камерам.

К тому времени, когда он вышел в коридор, «миссис Джексон» уже исчезла, зато он увидел сержанта с большим красивым чемоданом, который был показан судье. Сейчас чемодан лежал на скамейке.

Большинство констеблей Управления уголовных расследований знали мистера Дж. Г. Ридера, и сержант Миллс не был исключением.

– Что скажете, мистер Ридер? – приветливо улыбнувшись, спросил он. – Для меня лично это что-то новенькое. Никогда раньше не слыхал, чтобы грабили кладбищенского каменщика.

Он открыл крышку чемодана, и мистер Ридер запустил пальцы в мраморные осколки.

– Чемодан вместе с камнями весит больше сотни фунтов, – сказал офицер. – Какая же у нее должна быть сила, чтобы таскать его с собой! Бедный офицер, который привел ее в участок, весь взмок, пока тащил чемодан.

Мистер Дж. Г. Ридер принялся осматривать чемодан. Старые окислившиеся серебряные петли и застежки выдавали в нем дорогую вещь. Имени изготовителя на внутренней

поверхности не значилось, не обнаружилось и инициалов владельца на затертой до блеска крышке. Некогда шелковая подкладка висела ключьями и вся побелела от мраморной пыли.

– Мда, – рассеянно произнес мистер Ридер. – Очень любопытно... Чрезвычайно любопытно. Мне позволено будет спросить: когда эта женщина была задержана, имела она при себе какие-нибудь... гм... документы? – Сержант покачал головой. – Или что-нибудь необычное?

– Только это.

Рядом с чемоданом лежала пара больших перчаток. Они тоже были запачканными, а их поверхность вся была в мелких царапинах.

– Они часто использовались для той же цели, – пробормотал себе под нос мистер Ридер. – Совершенно очевидно, что она... гм... собирает коллекцию мраморных осколков. В ее кошельке ничего интересного?

– Только банковские билеты, с печатью Центрального банка на обороте. Проследить их будет несложно.

Мистер Ридер вернулся в свой кабинет, закрыв за собой дверь, достал из ящика стола потертую колоду карт и разложил пасьянс (это был его способ подстегивать работу мозга). Позже днем у него на столе зазвонил телефон, и Дж. Г. Ридер узнал голос сержанта Миллса.

– Я могу зайти к вам попозже? Да, это насчет банковских билетов.

Сержант не заставил себя долго ждать и явился ровно десять минут спустя.

– Билеты были выданы три месяца назад на имя мистера Телфера, – с порога принялся рассказывать офицер, – и он передал их своей экономке, миссис Уэлфорд.

– В самом деле? – негромко произнес мистер Ридер и добавил, немного подумав: – Весьма любопытно!

Он пощипал себя за нижнюю губу.

– А «миссис Джексон» и есть та самая экономка? – спросил он.

– Да. Телфер – бедолага, он чуть с ума не сошел, когда я рассказал ему, что она арестована – сразу сел на такси и помчался в Холлоуэй, чтобы опознать ее. Судья позволил внести за нее залог, так что завтра она выходит. Телфер ныл, как ребенок, твердил, что она с ума сошла. Боже, этот парень боится ее, как черта. Когда он дожидался ее в Холлоуэе, она только раз на него глянула, так он даже съежился весь. Кстати, мы узнали кое-что о Биллингеме, это может заинтересовать вас. Вам известно, что они с секретарем Телфера, мисс Белмэн (это секретарь Телфера), были очень близкими друзьями?

– Правда? – мистера Ридера это действительно очень заинтересовало. – Близкими друзьями? Так-так.

– Скотленд-Ярд установил за ней слежку. Может, она, конечно, и ни при чем, но в делах, подобных этому, нельзя забывать: *cherchez la femme*¹³.

Мистер Ридер оставил в покое свои губы и принялся аккуратно массировать нос.

– О, – сказал он. – Это по-французски, да?

Когда судья, строго пожуриив, освободил из-под стражи похитительницу мрамора, мистера Дж. Г. Ридера в зале не было. Ему было достаточно узнать, что женщина заплатила каменщику и забрала свои мраморные осколки, которым суждено украсить собою двор симпатичного маленького особнячка в Риджентс-парке. Утро он провел в Сомерсет-хаусе¹⁴, изучая копии завещаний и другие документы, а день потратил на то, чтобы разузнать как можно больше о миссис Ребекке Аламби Мэри Уэлфорд.

¹³ Ищите женщину. (Фр.)

¹⁴ Большое здание в Лондоне на берегу Темзы, в котором находились Бюро налоговых сборов, Бюро актов гражданского состояния и другие учреждения.

Она была вдовой Джона Уэлфорда, профессора Эдинбургского университета, и овдовела после двух лет замужества. Поступив на службу к миссис Телфер, матери Сиднея, она занималась воспитанием мальчика с четырех лет. Когда миссис Телфер умерла, она стала единственным попечителем молодого человека. Таким образом, Ребекка Уэлфорд сначала была воспитательницей, потом попечительницей, а теперь управляла всем его хозяйством.

Дом Телфера тоже в немалой степени привлек к себе внимание мистера Ридера. Это было современное двухэтажное здание из красного кирпича, выходящее фасадом на Внешнее кольцо Риджентс-парка и боковую дорогу. Позади и с боков дом был окружен большим садом с цветниками, пустовавшими в это время года. Цветы, наверное, были собраны на зиму в большой оранжерее, находившейся позади дома за садом.

Мистер Ридер стоял, опершись на деревянные планки забора, тоскливо рассматривая двор дома через заросли самшита, когда дверь отворилась и на порог вышла женщина. Была она в фартуке. В одной руке она держала длинную метлу, в другой – мусорную корзину, содержимое которой высыпала в ящик для золы.

Мистер Ридер поспешил отойти от забора. Но через какое-то время хлопнула дверь, и он вернулся на свой наблюдательный пункт. Никакой посыпанной мрамором дорожки видно не было. Все дорожки были гравийными.

Он зашел в ближайшую телефонную будку и позвонил на работу.

– Меня, возможно, не будет весь день, – сообщил он.

Мистер Сидней Телфер не показывался, хотя сыщик знал наверняка, что он дома.

Трест Телфера находился в руках ликвидаторов, и уже было созвано первое собрание кредиторов. Сидней был прикован к постели и из этого укромного убежища послал своему секретарю записку, в которой просил сжечь «все бумаги, имеющие отношение к моим личным делам». В конце записки он прибавил постскрипту: «Не могли бы мы встретиться и обсудить дела, прежде чем я уйду?» Слово «уйду» было зачеркнуто, а над ним было написано: «отойду от дел». Мистер Ридер видел это послание. Более того, вся переписка между Сиднеем и его организацией по договоренности с ликвидаторами проходила через его руки. И это была одна из причин, из-за которой мистера Дж. Г. Ридера так сильно заинтересовал дом номер 904 на Внешнем кольце.

Как только село солнце, у калитки остановился длинный автомобиль. Прежде чем водитель успел выйти, дверь дома распахнулась и во двор выбежал Сидней Телфер. В каждой руке он держал по чемодану, и в том, что был ближе к нему, мистер Ридер узнал саквояж, в котором экономка несла украденный мрамор.

Водитель повернулся и открыл дверцу. Подбежавший Сидней забросил внутрь чемоданы и юркнул в автомобиль на заднее сиденье. Дверца захлопнулась, автомобиль рванул с места и скрылся из виду за поворотом.

Мистер Ридер перешел через дорогу и занял позицию рядом с калиткой, приготовившись ждать.

Окончательно стемнело, и Риджентс-парк заволокло густым туманом. Дом погрузился во тьму, внутри свет не горел, только одинокий огонек слабо мерцал в прихожей. Не слышалось ни звука. Женщина все еще была там – миссис Сидней Телфер, воспитательница, компаньон, защитник и жена. Миссис Сидней Телфер, тайный руководитель «Телферс консолидейтед», властная женщина, которая, не удовлетворившись замужеством со слабовольным мальчишкой на двадцать лет младше ее, направила мощь своего могучего, но злого разума на управление делом, которого не понимала и которое в конце концов привела к краху. Мистер Ридер не зря потратил время в Сомерсет-хаусе: копию свидетельства о браке получить было почти так же легко, как копию завещания матери Телфера.

Он беспокойно осмотрелся по сторонам. Туман рассеивался, и именно этого он больше всего опасался, потому что ему предстояло совершить определенные действия, для которых максимальная маскировка была просто необходима.

А потом произошло нечто неожиданное. К дому медленно подъехал кеб и остановился у калитки.

– Вроде приехали, мисс, – раздался голос кебмена, и из экипажа вышла девушка.

Это была мисс Маргарет Белмэн.

Ридер дождался, пока она расплатилась и кеб уехал, а потом, когда она подошла к калитке, вышел из тени.

– Ой!.. Мистер Ридер, как вы меня напугали! – воскликнула она. – У меня назначена встреча с мистером Телфером... Он очень болен... Нет, его экономка написала мне. Она попросила быть у них в семь.

– Значит, она знала! Что ж, позвольте, я позвоню.

Однако девушка сказала, что звонить не надо, потому что вместе с запиской ей прислали ключ.

– Она сама сидит с мистером Телфером, он отказывается от услуг сиделки, – сказала Маргарет, – и...

– Вы не могли бы говорить потише, барышня? – зашипел мистер Ридер. – Простите за грубость, но, если наш друг болен...

Она вздрогнула, удивленная его строгим тоном.

– Ему не слышно, – сказала она, но голос понизила.

– Может быть, и слышно... Больные очень восприимчивы к человеческому голосу. Скажите, как к вам попало это письмо?

– Письмо мистера Телфера? Районный курьер принес, примерно час назад.

Никто не входил и не выходил из дома, кроме самого Сиднея. И Сидней, охваченный страхом, наверняка выполнил бы любые указания своей жены.

– А в письме были слова наподобие... – мистер Ридер на секунду задумался. – «Принесите письмо с собой»?

– Нет, – удивленно ответила девушка. – Но миссис Уэлфорд позвонила мне незадолго до того, как принесли письмо, и предупредила, чтобы я дождалась его. Она попросила меня захватить с собой это письмо, потому что боялась, как бы личные письма мистера Телфера не попали в чужие руки. Но почему вы спрашиваете, мистер Ридер? Что-то случилось?

Он ответил не сразу. Открыв калитку, Ридер бесшумно прошел по кромке травяного газона, тянущегося вдоль дорожки.

– Откройте дверь, я войду вместе с вами, – шепнул он девушке, и когда она в нерешительности помедлила: – Прошу вас, делайте так, как я говорю.

Рука, вставившая ключ в замочную скважину, дрожала, но ключ был повернут, и дверь открылась. В просторной прихожей на столе горел тусклый ночник. Слева, рядом с лестницей (видны были только несколько первых ступеней), Ридер заметил открытую узкую дверь. Сделав шаг вперед, он понял, что это маленькая телефонная комната. А потом с лестничной площадки наверху раздался низкий густой голос, который Ридер узнал сразу:

– Мисс Белмэн, это вы?

Маргарет, у которой сердце забилось учащенно, подошла к основанию лестницы и посмотрела вверх.

– Да, миссис Уэлфорд.

– Письмо при вас?

– Да.

Мистер Ридер прокрался вдоль стены и остановился рядом с девушкой.

– Хорошо, – произнес голос. – Вы бы не могли позвонить врачу? Наберите 743 и скажите, что мистеру Телферу снова стало хуже. Телефонная рядом с передней. Только закройте за собой дверь, шум беспокоит его.

Маргарет посмотрела на сыщика, тот кивнул.

Женщина наверху тянула время – зачем?

Девушка прошла мимо него, он услышал, как с глухим шумом плотно закрылась дверь, но тут раздался щелчок, который заставил его резко обернуться. Первое, что бросилось ему в глаза: у двери не было ручки, второе – замочная скважина двери была закрыта стальным диском, который, как он позже выяснил, был изнутри оббит войлоком. Он услышал тихий голос девушки и прижался ухом к замочной скважине.

– Телефон не работает... Я не могу открыть дверь.

Не медля ни секунды, Ридер бросился вверх по лестнице, сжимая в руках зонтик, но, когда он оказался на лестничной площадке, где-то рядом с ним громко захлопнулась дверь. Он мгновенно определил, откуда донесся этот звук: из комнаты слева, прямо над передней. Дверь была заперта.

– Откройте дверь! – громко крикнул он, но из-за двери раздался хохот.

Мистер Ридер схватился за массивную ручку своего зонтика, и, когда он отбросил его нижнюю часть, в темноте блеснула сталь. В руке его оказался кинжал с шестидюймовым клинком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.